

Ирина Малаховская-Пен Российское Общество Вампиров

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65073311

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-95997-2

Аннотация

Вероника Майская пишет книги о вампирах и даже снимает один фильм. Добившись всего, чего только может добиться творческий человек, она вдруг узнаёт, что вампиры – не миф. Их много, они знают, кто она и готовы принять её в свой мир. В мир сильных, быстрых, бессмертных, безжалостных существ. Но какова же цена за обретение бессмертия? Это вы узнаете из моей новой книги. Содержит нецензурную брань.

Ирина Малаховская-Пен

Российское

Общество Вампиров

Овчарка остановилась перед самыми рельсами и глухо заворчала.

– Ты чего? – удивилась Ника. – Идём дальше. Мы даже до поворота не дошли.

Однако лапы Веги словно увязли в цементе. Увязли и уже застыли: с места она не сдвигалась.

– Вега! – Ника снова потянула за поводок.

Собака стояла намертво. Головой Вега тянулась к земле и ворчала. Пыталась грозно, но получалось достаточно жалко. Сквозь напускную угрозу прорывался страх. Неподдельный, животный, острый. Такой отчаянный, что Нике показалось будто он ползёт по земле. Подбирается в крошечной темноте к ногам и вот уже обвивается вокруг холодной колючей проволокой. Она нащупала в кармане пневмат. Положила палец на крючок. Она успеет. Она выстрелит. Если кто-то спрятался в кустах, чтобы причинить им с Вегой боль, она успеет подстрелить врага. Ника потянула поводок собаки по направлению к дому:

– Хорошо, идём обратно.

Вега засемила на полусогнутых. Да что происходит? На

дороге ни души. Глаза привыкли к темноте, и кроме столбиков с дорожными знаками ничего не было видно. Ничего и никого. Ника оглянулась. И ещё раз. Нет, никого. Почему так странно тогда ведёт себя собака? А Вега вдруг выгнулась, поднялась на задние лапы, дёрнула поводок и понеслась вперёд, таща за собой хозяйку. Ника перехватила поводок второй рукой. Сейчас она с трудом удерживала тридцать килограммов живого веса обеими руками. Кажется, даже проехала ботинками по асфальту пару метров. Внезапно стало легче. Ника вздрогнула. Кто-то перехватил поводок и сдерживал напуганную собаку. И этот кто-то был прямо у неё за спиной. Обе руки были на поводке. Пневмат благополучно отдышал в правом боковом кармане куртки.

– Осторожнее. – произнёс голос над ухом. – Почему вы одна гуляете с такой здоровой псиной?

Ника чувствовала, что не может произнести ни слова. Во рту всё пересохло, язык и нёбо были словно наждачка. Кто это? Почему он так и стоит у неё за спиной? Откуда он вообще взялся? По этой дороге никто не ходит пешком. Тут все ездят на машинах. Ах, да. И они гуляют с Вегой.

Вега между тем застыла, как статуя, и поводок больше не тянула. И это было тоже странно. Потому, что минуту назад она рвалась к дому, как сумасшедшая.

– Может быть, вы выйдете у меня из-за спины. – кое-как выдавила Ника. – Мне как-то не очень комфортно.

Она не услышала ни звука, но была готова поклясться, что

незнакомец усмехнулся. А потом вышел из-за её спины, и встал рядом.

– Могу проводить. Чтобы ваше животное не уронило вас в грязь. – предложил он.

Ника думала, как ей поступить. Это «Могу проводить» прозвучало не как предложение. Это как будто не обсуждалось. Он проводит её, и всё. Ника кивнула. Потом подумала, что в темноте не видно, что она кивнула. А голос внутри неё вдруг сказал: «Ему видно».

– Ну, отпустите же уже поводок. Я поведу.

Нике вдруг стало спокойно. Не человек, которого она даже не видела толком, дал ей это спокойствие. Просто несколько минут что-то происходило, но ничего плохого. Хотел бы навредить – уже мог это сделать. А он предлагает помочь довести до дома сбесившуюся собаку. Но собака уже не бесится, она спокойна.

– Как вас зовут? И что вы тут делаете так поздно?

– Меня зовут Данил. Я просто гуляю.

– Поймите меня правильно, Данил, у нас тут не гуляют.

– Но вы же тут гуляете! – возразил он.

– Но я с собакой. Кстати, меня зовут...

– Я знаю, как вас зовут. – оборвал ей Данил.

– Откуда?! – изумилась она.

– Ну... кто же не знает Веронику Майскую. Особенно после фильма «Кровавая любовь».

Ника удивилась. Фильм в широкий прокат ещё не вышел.

Режиссёры остаются за кадром. Мало кто знает их в лицо и даже по имени. Если ты, конечно, не маститый режиссёр. Ах, да. интервью. Она давала парочку перед закрытой премьерой. Но тут, в темноте, разглядеть, что это именно она... режиссёр российской версии сумерек для взрослых. Странная ситуация. По спине прошёл холодок. Рядом с этим мужчиной было неудобно. А он между тем продолжал обсуждать фильм.

– Как я понял, и сценарий вы писали?

– Да, Данил. Я писала. Это снято по моей книге.

– Да. Вы, Ника, девушка разносторонне развитая. Что тут скажешь. И писатель, и сценарист. И режиссёр.

– Ну, нас было двое на проекте. Я всего лишь второй режиссёр. А вы любите вампирскую тематику? – поинтересовалась Ника.

Они прошли почти всю тёмную часть дороги, ещё немного и фонари. Собака впереди шла как зачарованная: не крутила головой, не обнюхивала землю и кусты, не рвалась и не тормозила. Просто шла в одном темпе. Была похожа на собаку-робота. Ника не помнила, чтобы Вега когда-нибудь так себя вела.

– Отчего же не любить вампирскую тематику? – ответил Данил. – Только у вас там ерунды много. Откровенной ерунды. А так-то что? Ничего. Можно и почитать. И фильм посмотреть.

– Какой же ерунды? – Ника даже остановилась.

Остановилась в метре от входа в посёлок. Данил тоже остановился. Вега замерла, даже ухом не повела.

– Ну, какой-какой. Разной. Например, святая вода. Кто же вам сказал, что вампиры могут отравиться святой водой? Это, простите, глупость какая-то.

– Данил... позвольте! Это же фантастика! Тут есть поле для фантазии. Можно придумать, что угодно.

– Вот вы и придумали... где, например, вы откопали такой мудрёный способ обращения? Это же уму непостижимо! Латынь, смешивание крови. Ещё бы травок добавили и алтарь, честное слово.

Ника помолчала. Потом зашагала вперёд, думая, в каком месте лучше забрать у него поводок и вежливо попрощаться. Он явно сумасшедший. Говорит о мифических существах, как о чём-то существующем! Нужно с ним попрощаться, и лучше не затягивать. Триста метров ей идти по освещённой дороге, а потом сворачивать к себе в проулок, где фонари то горят, то нет. Она решила зайти издалека, а потом подвести к тому, что пора разбежаться каждому по своим делам.

– Простите, Данил, я не думаю, что готова всерьёз обсуждать вампиров. Вы говорите о них, как о чём-то реальном. Я же так не считаю, и, боюсь, не смогу поддержать этот разговор.

– А! То есть, вы считаете, что вампиры – выдумка? – весёлым голосом спросил Данил.

– Ну, конечно. И я, и ещё семь миллиардов человек.

– Да. – резкий переход с веселья на грусть окончательно убедил Нику, что её спутник сумасшедший. – Обидно, конечно.

– Что именно обидно? – не поняла она.

– Обидно, когда тебя считают выдумкой. Видимо, мы хорошо постарались. И продолжаем стараться.

Данил остановился и взял Нику за плечо. Даже через куртку она почувствовала силу и холод. Рука была ледяной. Сколько градусов на улице? Когда они выходили с Вегой – было что-то около семи, или восьми.

– Так вы и в самом деле думаете, что нас нет в природе? Именно это, по-вашему, даёт право писать и снимать о нас небылицы, так?

Данил не делал страшных кровавых глаз, не обнажал клыки. Но чувствуя железную ледяную руку на своём плече, Ника вдруг поняла, что он не сумасшедший. Он говорит правду. И из этого следует, что он – кто? Вампир? Больше она ничего не помнила. Свет фонарей вдруг потух, земля ушла из-под ног. Ника куда-то летела. Наверное, в преисподнюю, куда же ещё. Не зря мама, когда была жива, говорила: не нужно писать о нечисти. Добром это не кончится.

Она очнулась на своём диване. Собака сидела у порога в позе сфинкса. Ухо уловило потрескивание дров в камине. Позвольте! Она не топила камин! Собиралась затопить после прогулки. Ника резко подскочила и почувствовала головокружение. Она попыталась удержать картинку перед гла-

зами.

– Разве можно после обморока так подпрыгивать.

Данил сидел у камина и ворошил дрова кочергой. Помогал им разгореться. Ника вспомнила, что было перед тем, как она лишилась чувств, и полезла в карман за пистолетом. Куртки на ней не было.

– Ты серьёзно? Меня пули не берут, а ты решила пострелять из своей игрушки? – он рассмеялся.

– Какого чёрта ты тут делаешь? Разве вампирам не нужно приглашение в дом.

Данил поднялся, отложил кочергу и сел в кресло.

– Насочиняете ерунды, а потом хотите, чтобы всё сбывалось? Приглашение... сказка!

– Я, кстати, и не писала, что вампирам нужно приглашение. Так и знала, что не нужно. – Ника подумала. – Я сплю?

Вместо ответа Данил быстрым движением переместился на диван и укусил её за руку. Всё заняло не больше секунды, больно было и того меньше. Ну, вот. Сейчас он высосет её кровь, и она умрёт. А Вега? Вега никому не нужна. Она вредная и не переносит чужих людей. Сожрёт любого, не подавится. Просто ей не по зубам вампиры. Ника не могла винить её за это. Инстинкт самосохранения у овчарки перевесил любовь к хозяйке. Мысли текли как-то буднично и вяло, кровь перетекала из её вены в рот существа, которое явилось к ней в ночи и теперь равнодушно убивало её. Может это всё-таки сон? Хорошо бы... Данил оторвался от её руки и зажал

пальцем дырки.

– Надо бы заклеить. Есть пластырь?

– Зачем ты это сделал?

– Это вместо щипка. Чтобы ты поняла, что не спишь. – пояснил Данил. – Где пластырь?

– В ванной, в аптечке.

Его не было несколько секунд. Потом он аккуратно клыком оторвал кусок пластыря от ленты и заклеил раны. На клыке была капля крови, пластырь запачкался. Ника разглядывала заклеенное место на руке.

– Почему рука? Почему не шея?

Данил положил руку на лоб.

– Вероника... у тебя как с анатомией? В шее сонная артерия. Если вампир пробивает её клыками – выжить невозможно.

– Вампиров нет. – упрямо сказала Ника.

– Как скажешь. Нет так нет. – кивнул Данил. – Я вообще по делу пришёл. Не просто так. Ты, конечно, талантливая, интересная, и всё такое... но я не поболтать тебя нашёл.

– А зачем? – Ника подтянулась и села на диване.

– Ты хотела стать вампиром. Мы подумали. В принципе, можно. Ты талантливая, тебе можно подарить бессмертие.

– А... мы – это кто?

– Мы – это мы. РОВ. Ну, ты не вникай. Захочешь – сама всё узнаешь.

– Ров? Это что?!

– Аббревиатура. Российское Общество Вампиров.

У Ники снова закружилась голова. То есть, существует целое общество, если верить этому странному парню. Кстати, сколько ему лет? Двадцать? Тридцать?

– Сколько тебе лет?

– А это тут при чём? – удивился Данил. – Сейчас... э-э-э... я родился в тысяча семьсот девяносто восьмом. Мне двести двадцать три года.

– Сюр какой-то... ты прости, но я пока не могу принять эту информацию.

– Да дело твоё. Просто, понимаешь, тебе нужно решить сейчас. Или ты с нами, или...

Ника посмотрела на Вегу, сидящую у порога.

– Вега, детка, иди ко мне.

Собака не шевелилась.

– Что с ней?

– Ничего особенного. Парализующий страх. Когда она только чуяла меня – могла как-то ещё рефлексировать. Но когда животные видят вампиров, они скованны страхом. Тут уж ничего не поделаешь.

Ника вздохнула. Зачем она на каждом углу вопила, как ей хочется бессмертия? Так хочется, так хочется, что она даже вампиром стать готова. Бойся своих желаний.

– Данил, у меня собака.

– Я могу её убить. Одним движением. Шею свернуть и всё. По-моему, вполне гуманно.

– Не надо. – Ника подумала. – А если я не хочу быть вампиром?

– Тогда мне придётся тебя допить. – пожал плечами Данил.

Когда она спрашивала его возраст, ей хотелось узнать сколько он успел прожить человеком. Данил ответил чисто по-вампируски. Не по-человечески. Когда Ника описывала в своих произведениях вампиров, она вкладывала в них такое вот равнодушие. Цинизм. Отсутствие человеческой памяти. Или как лучше сказать? Памяти о человеческом... он же мёртв, верно? Они не живые. Боже, она столько читала, смотрела, писала и снимала о них. А теперь смотрит на вампира, сидящего рядом, и не может осознать, что это действительно вампир.

– Ты не живой?

– Нет, конечно. Живущий мертвец. Всё, как гласят легенды. Хоть что-то в них соответствует действительности.

– И ты бессмертен?

– Ну... если мне никто не вгонит кол в сердце и не отрубит башку – я вполне себе бессмертен, да. Смерть от воспаления лёгких мне не грозит.

– А солнце? – подскочила Ника. – Вы не видите солнца?

– Можем видеть. Через специальное стекло, не пропускающее ультрафиолет. Напрямую – нет. Никогда.

– Ясно. – Ника встала и начала ходить по комнате. Вышагивать из угла в угол.

Данил равнодушно смотрел на огонь в камине. Она ходила у него перед носом, а он будто не замечал.

– Тебя не раздражает? – спросила Ника.

– Я не испытываю человеческих эмоций. Как ты можешь меня раздражать?

– Не испытываешь?! – в ужасе спросила она. – Вообще никаких чувств?

– Эмоциональных – нет. Физиологических... голод. – Данил подумал. – да. Голод. И всё.

– Тогда я не понимаю! Ты говоришь: «Ты талантлива, мы можем тебя обратить». Зачем? Творить вечно? Но как я смогу? Творчество произрастает из эмоций, из чувств! А если я не буду чувствовать?

– Я не знаю. Это ты хотела бессмертия. А мы всего лишь готовы пойти тебе навстречу.

– А злость? Гнев? Это вы чувствуете? – спросила Ника.

– Слушай, перестань читать бульварщину о вампирах. Писать и снимать тоже. Мы мертвы. Что мы можем чувствовать? Как? Чем? Души нет.

– Нет? А где она?

Данил пожал плечами.

– Мне пора. Светает всё раньше. Я вернусь, когда ты доделаешь свои земные дела.

– Какие?

– Пристрой собаку. Хотя, я лучше бы убил. Но ты не хочешь. Пристрой, пока ты живая. Потом ты просто прокусишь

ей шею. Гарантирую. Завещай кому там что положено.

– Я на фестиваль хотела съездить. Мистического кино.

– Съезди. – кивнул Данил. – Мы же не звери. Месяц тебе на всё. А потом я вернусь. Да, надеюсь, понятно, что никому ничего нельзя говорить. А то потом придётся или тебя доставать из психушки. Или убивать тех, кто поверит тебе.

– Данил. – он остановился в дверях. – Ты сегодня смеялся. Тебе было смешно. Это же эмоция!

– Быть вампиром в принципе весело! Тебе понравится. Обещаю.

– Сколько тебе лет? Человеческих, а не в общем.

– Двадцать семь.

– Круто! А мне сорок девять.

Тут Ника внезапно вспомнила, что через месяц, двадцать девятого апреля, ей будет пятьдесят. Она хорошо выглядела, конечно. Гены, спорт, диета. Но ей было уже далеко не двадцать семь. Она планировала большое торжество, заказала зал в ресторане, разослала приглашения. Она долго готовилась. Ника захотела спросить, дадут ей отпраздновать юбилей, или Данил явится как раз накануне. Но он уже исчез. Так быстро, будто его и не было в комнате. Только камин, который она не зажигала, напоминал о том, что тут был гость. Неживой живущий мертвец. Вампир. Да, ну! Бред. Она точно спит, и сейчас проснётся. Внезапно на телефон посыпались оповещения. Куча сообщений в вотсап, пропущенные звонки, смс-ки. Минуточку! А почему телефон молчал всё

время, когда рядом был Данил? Мистика какая-то!

Отмерла Вега. Легла на том месте, где сидела, вытянув лапы. В глазах блестела грусть всего собачьего народа.

– Вега, иди ко мне, солнце.

Собака вздохнула и отвернулась. Бесплезно. Если не хочет – не подойдёт. Ни за что. Вредная собака. Избалованная собака. Как она отдаст её кому-нибудь? Кто её вообще выдержит в здоровом уме? Надо поручить сыну. После нескольких последних проектов Вероника вполне могла позволить себе поручить собаку сыну, выделив ему деньги на содержание. И его, и собаки. Веге было семь. Пусть ещё семь она проживёт. На семь лет умеренной жизни без излишеств для одного человека с собакой у неё есть деньги. Она так и напишет в завещании: всё достанется Сергею, если он не бросит Вегу. Можно у них писать такие завещания, с оговорками? Или это только в Америке так можно?

Ника походила по дому. Осознала, что не спит. Посмотрела на руку, заклеенную чуть ниже локтя. Оторвала пластырь. Две ровные дырочки. Очень похожие на те, который показывают в кинофильмах. Она сама монтировала «Кровавую любовь», и тысячи раз видела эти дырки на руках и шеях. Дырочки были искусно нарисованы гримёрами. Красивые, ровные, круглые. Ника подняла руку к глазам, повернулась к лампе. Её дырки не были круглыми. Они были овальной формы. Так вот каким должны быть дырки от клыков вампира! А все зачем-то делают их круглыми! В следующем фильме надо

будет изменить форму дырок... мысли о следующем фильме были безжалостно прерваны голосом Данила, отчетливо зазвучавшем в голове: «Месяц тебе на всё. А потом я вернусь».

Не будет следующего фильма. Ни о вампирах, ни о людях. Не будет весёлых посиделок с друзьями, прогулок под лунной с собакой, поездок на фестивали, ресторанов, шопинга, ласковых солнечных лучей на коже. Нет, ну шопинг-то будет, наверное. И вампирам нужно одеваться. Джинсы и свитер на основное блюдо, продавец на десерт, так что ли у них это происходит? Может быть она ещё успеет отпраздновать юбилей с нормальным десертом. Тортом тирамису. Они же не звери, так сказал Данил. Не звери, но уже и не люди.

Потом все умрут, а она останется. Будет по ночам навещать родных и близких на кладбище. Или не будет. Ведь эмоций-то она лишится. Ника перевернула медаль, посмотрела на обратную сторону. Она и правда всегда хотела быть бессмертной. Не понимала, почему никто не хочет. И ей хотят дать шанс. РОВ рассмотрело вашу анкету. Вердикт: одобрено. В душе всё запело. Она будет бессмертной! Вечной! Все умрут, а она не умрёт! Никогда. Если ей не воткнут кол в сердце, или не отрубят голову. А чтобы этого не случилось, нужно просто быть осторожной. Ей вдруг захотелось стать вампиром сейчас же, немедленно! Она готова была на всё, кроме ожидания. Ника внезапно похолодела. А вдруг он передумает? Вдруг не вернётся за ней?! Он ведь даже не оста-

вил Нике номер своего телефона!

Ника сидела с адвокатом в той самой гостиной, в которой на днях общалась с таинственным гостем. Данилом. В комнате от его пребывания не осталось и следа, словно не приходил никто. Остались следы клыков на руке да маята на душе. Стараясь игнорировать эту тревожность, Ника составляла завещание. Адвокат был вызван из родного Новосибирска, перелёт ему оплатила Ника. Остановился Александр Михайлович у неё дома – зачем зря деньги на гостиницу тратить? Михалыч терпеливо заполнял в ноутбуке поля завещания с Никиных слов, вздыхал, сопел и потирал переносицу.

– Карасёв, что происходит? – не выдержала она. – Чем ты недоволен?

– Всем. Всем я буквально не доволен.

– Нет уж! Давай по пунктам.

– Почему ты меня вызвала? Я понимаю, мы всю жизнь приятели, и всё такое... но что, в столице адвокатов нету?

– Тех, кому я могу поведать все свои странности – нету.

– Хорошо. Переходим к странностям. Ты вот тут пишешь...

– Пишешь ты. Я тебе говорю, что писать.

– Не придирайся! Ты говоришь, что завещаешь всё Сергею. Счета, дом, машину.

– Две.

– Что?

– Две машины. Ну, да. больше нечего завещать.

– Да. И всё это переходит в его распоряжение, если он берёт на себя заботу о твоей собаке, Веге.

– Ну. И что не так?

– Ника, сколько тебе лет?

– Михалыч, не хаами. Тем более, ты знаешь.

– Вероника, скажи мне правду. Ты заболела? Тебе диагностировали рак?

Ника посмотрела на адвоката, как на умалишённого.

– Ты спятил, что ли? Сплюнь!

– То есть, ты здорова?

– Вполне!

– Тогда что это за приготовления в пятьдесят лет? Основательные такие приготовления. Как будто ты уверена, что твоя собака точно переживёт тебя и ей понадобится новый хозяин. Поясни мне.

Ника подумала.

– А я должна тебе пояснять это?

– Ну... вообще нет. Просто я думал, если мы друзья, то я имею право знать, что тут происходит!

Он даже голос повысил. Во как. Право он имеет. Ну, что сказать? Может и имеет. Но Ника не имела никакого желания ничего объяснять. На минуту ей показалось, что лучше бы она действительно выбрала любого из московских адвокатов, но...

– Михалыч, у меня нехорошее предчувствие. И я решила, что нужно привести дела в порядок. Такой ответ тебя устроит? И давай, завязывай с глупыми вопросами. Я тебе даже доплачу, если ты сделаешь всё, как надо.

– Ладно-ладно. Чего сразу – доплачу. Сделаю я всё.

Карасёв уткнулся в ноутбук, что-то бормоча себе под нос про «в кои-то веки в Москве» и «лучше бы в Третьяковскую галерею».

– Не гунди! Сделаем завещание и поедem заверять. А там я тебя и в галерею, и в мавзолей, и в ЦУМ, и в ГУМ, и куда хочешь свожу. Хоть в кино. – она подумала. – Кстати, Михалыч, а вот эти условия и оговорки работают по нашему законодательству? Про собаку и т.д.?

– Работают, почему нет? – пожал плечами Карасёв. – Наследодатель имеет право ставить любые условия и назначать любых наследников. Ты, кстати, хорошо всё обдумала?

– Вот сейчас поняла, что нет! Пиши, что пока Вега жива и Сергей хорошо за ней ухаживает, он просто имеет право проживать в этом доме и получать ежемесячно сумму на содержание. Своё, дома и собаки. Ну, или как там правильно. И только когда Вега умрёт в глубокой старости от естественных причин, сын получает всё.

– Но дом надо кому-то наследовать. С него платится налог, и т.д.

– Да-да, я поняла. Просто пока жива моя собака – Сергей не может продать этот дом, заложить, или ещё что-нибудь.

А потом пусть делает, что хочет.

Карасёв высунулся из-за ноутбука и внимательно посмотрел на Веронику. Она действительно здорова? Так странно рассуждает обо всём... будто её вот-вот не станет, и без вариантов. Михалыч промолчал. Всё равно ничего не скажет. Он знал её больше тридцати лет, с тех пор, когда ещё был ментом, а она – малолетней хулиганкой. Он спасал её, отмазывал, контролировал, увещевал. Спас. И она даже стала человеком, в конце концов. А теперь с ней происходит что-то странное, и он вряд ли узнает, что именно.

Ника думала о том, что Михалыч её друг, один из немногих, оставшихся из прошлой жизни. Он знает её столько лет. В своё время Михалыч очень постарался, чтобы она стала человеком. Вытаскивал её из передраг, спас от тюрьмы. А теперь она планирует избавиться от своей человечности. От человеческой жизни вообще. И никому нельзя об этом сказать. Совершенно никому и совершенно точно нельзя.

– Я дописал. Ты будешь проверять?

– Не буду я ничего проверять. Поехали, заверим у нотариуса. И сходим, куда тебе больше всего хочется?

– Вероника, ну ты правда здорова? – как-то даже жалобно спросил Михалыч.

– Да здорова я, что ж за наказание! Поехали уже.

Она встала с дивана, на котором сидела, скрестив ноги, взяла ключи от машины и сунула ноги в кроссовки.

– Сейчас, соседку позову. Вега одна не сидит.

– Зачем тебе вообще эта собака. – прокряхтел Карасёв, зашнуровывая ботинки.

– Слушай, я ж не спрашиваю, зачем тебе на седьмом десятке ботинки со шнурками, когда ты мог бы носить что-то более удобное. Может тебе нравится такая физкультура. Ну и не спрашивай меня, зачем мне собака.

– Сравнила тоже. – обиделся Карасёв. – Ботинки и собаку.

– Да-да. Я о том же говорю!

Ника многозначительно посмотрела на Михалыча, вышла за дверь и закричала там так громко, что аж стёкла зазвенели:

– На-а-а-а-а-а-а-а!

– Ау. – издали отозвалась соседка.

– Посидишь с Вегой? Я заплачу.

– Бегу.

Ника вернулась в дом, покопалась в сумке, достала тысячу рублей. Карасёв смотрел на деньги не отрываясь.

– Не бойся, это не тебе. Тебе потом дам. Побольше. Чуть-чуть.

Вега уже забеспокоилась, что все её бросают. Лезла носом то к Нике, то к Михалычу. Подбегала к стене, где висел её поводок, и гавкала. Мол, куда же вы? Меня-то, меня одеть забыли!

– Слушай, а как она одна не сидит? Что делает?

– Лает на всю деревню и всё крушит.

Карасёв взялся за лоб рукой.

– На что ты хочешь обречь своего сына?!

Нике вдруг стало его жаль. И его, и Вегу, и сына. На одну короткую секунду, на один миг она испытала их чувство, когда Ника исчезнет с радаров. Всего лишь миг, но это чувство было таким ярким и болезненным, что захотелось зажмуриться.

– Михалыч, ну ты чего? Я же вечная! Не собираюсь я никого ни на что обречь.

В дом впорхнула молодая девушка с простым лицом, русым хвостом и в спортивном костюме.

– Вегочка, деточка, пойдём телевизор посмотрим, зайнышка моя сладкая. – засюсюкала она.

Ника показала ей купюру, положила на полку и быстро выпихнула Карасёва из дома, выскочив следом.

– Дурдом. – резюмировал он, топая к машине.

Они заверили завещание у первого попавшегося нотариуса, где не было очереди в приёмной. Ника подошла к секретарю с распечатанным, подписанным и заверенным документом:

– Девушка-красавица, сделайте мне копию. Даже парочку. Они у вас платные?

Девушка, которой до красавицы было как до Китая пешком, засмушалась и пролепетала:

– Я вам так сделаю.

– Мне так не надо. – Ника кинула на стол пятьдесят рублей. – Главное, побыстрее.

Когда они уже собирались выходить, невзрачная секретарша пискнула:

– Простите меня, пожалуйста! Подпишите мне книгу.

– Что? – удивлённо обернулась Ника.

– У меня ваша книга. Подпишите, пожалуйста.

– Какая? Кровавая любовь?

– Нет. Последний ковен. Вот. – она вытащила из стола потрепанную книжку и протянула Нике вместе с ручкой.

– Боже! Это же антиквариат какой-то!

– Классика! – язвительно подтвердил Карасёв из-за плеча.

– Иди в баню. – отмахнулась Ника. – Нет, ну правда. Это одна из самых первых книг. После неё столько всего интересного было.

– Мне про вампиров не очень. Простите.

– Почему же? – поинтересовалась Ника, ставя размашистый автограф.

– Они мерзкие. Отвратительные. Кровь пьют, людей убивают. Ненавижу их. Извините, пожалуйста.

Рука Вероники застыла на последней закорючке. Хотелось треснуть этой серой девице прямо в глаз. Скажите пожалуйста, вампиры мерзкие! Да что ты знаешь про вампиров? Тем более, в её книгах вампиры были просто прекрасны. Вместо того, чтобы поставить невежду на место, Ника улыбнулась заученной улыбкой, и мило сказала:

– Всё в порядке. Для меня важно любое мнение. Всего доброго!

Ручка вдавилась в бумагу так сильно, что если бы бумага была плотью – из неё бы хлынула кровь. Ника в душе облизнулась. Спокойно, дорогая, ты пока человек. Всего лишь жалкий человечек, хрупкий и зависимый. Ты ещё жива, ты пока в своём образе. Писателя, сценариста и режиссёра. Тебе нельзя показать свою настоящую реакцию. Никакой вампиромании, улыбнись ещё разок и выйди отсюда. Твои дела в этой конторе закончены.

Ника села в машину и посмотрела на Карасёва, который устраивался поудобнее, кряхтя и пристёгиваясь.

– Слушай, Михалыч, а ты хоть одну мою книгу прочёл?

– Не. Я не любитель такой литературы. Без обид.

– Какой – такой?

– Ну... такой. Современной.

Ника почувствовала усталость. Кажется, она устала быть человеком. вовремя появился в её жизни Данил. Чтобы в очередной раз убедиться, что Данил не приснился ей, Ника потрогала руку в том месте, где под пластырем заживали дырочки. Задрала рукав и прощупала ткань лейкопластыря. Нет, это был не сон. Вот они, затянулись корочкой. За месяц от них может не остаться ни следа. Или останутся едва заметные пятнышки. У Ники была отличная регенерация кожи. Всё заживало, как на собаке. Быстрее, чем у Веги, наверное.

– Что у тебя там? – спросил Михалыч.

– Ничего особенного. Собака поцарапала.

– На сгибе локтя? Там кровь обычно берут.

– Не выдумывай, кровь берут выше.

– Ника, ты точно ничего не хочешь мне рассказать? – с нажимом на «точно» спросил Карасёв.

– Мне нечего тебе рассказывать, дружище. Говори, куда ты хочешь съездить в Москве. Пока я свободна. Относительно.

Она была совершенно свободна. Ника решила не начинать новую книгу. По заказам она всё доделала, новую работу тоже брать не хотелось. Этот месяц она решила провести на свободе. Данил даже не удосужился ей ничего рассказать о жизни вампиров, а она была так ошарашена, что не спросила. Ну, вот, например, вампиры могут пить алкоголь? Или не могут вообще ничего, кроме крови. Это же интересно? Интересно. А она не спросила. Вдруг не могут? Тогда ей нужно за месяц наверстать всё то, что будет упущено в будущем. Встретиться со всеми друзьями, с кем толпой, а с кем – по очереди. И со всеми душевно выпить и поговорить. В идеале, хотелось бы ещё съездить к морю. Позагорать на солнце, пока у неё есть такая возможность. Но тут Ника надеялась совместить полезное с приятным. Фестиваль мистического кино будет проходить в одном из французских курортных городов, можно будет выкроить время и сходить на пляж.

Зазвонил телефон. Продюсер «Кровавой любви».

– Да.

– Они перенесли фестиваль.

Нике стало так грустно, что она чуть не упустила руль.

Кажется, Карасёв даже успел испугаться.

– Как это возможно? Уже программа готова.

– Ну... из-за вируса этого, чёрт бы его побрал. На месяц точно переносят.

– На сколько. – севшим голосом спросила Ника.

– На месяц.

– Ну... хорошо! Я поняла.

Вряд ли у вампиров можно попросить отсрочку. Значит, она обойдётся без фестиваля. Просто съездит на курорт. Выберет, где она ещё не была. Сдаст перед перелётом тест, потом сдаст его на курорте. Поплавать в море на солнышке. Позвольте, почему в море? Если уж плавать в последний раз при свете дня, то в океане. Ника вильнула к тротуару, резко затормозила и включила аварийку. Сзади засигналили. Ника искала телефон в контактах. Нашла. Выдохнула. Набрала. Ей ответили сонным голосом:

– Hello.

– Марина, добрый день. Это Вероника Майская.

– Кто? – перешла на русский собеседница.

– Майская.

– О, Боже! Правда?

Голос стал гораздо менее сонным.

– Марина, можете мне сделать гостевое приглашение? Сегодня.

– Мо... могу, наверное. А что случилось? Вы заболели?

Да что ж они все до неё докопались! Ну, Карасёв ладно.

Ему подозрительно, это логично и понятно. Но Марина... она не заболела, ей просто хочется успеть в Америку. Так получилось, что она ни разу там не была. А сейчас захотела на пляж к океану. Что такого?

– Я здорова, Марина. – спокойно ответила Ника. – Можете, или нет?

– Могу.

– Ну, я доберусь до компьютера – скину вам все данные. Спасибо!

– Да не за что пока...

– Я вас разбудила, да? который у вас час?

– Половина шестого утра.

– Оу. I'm so sorry!

Ника отключилась, повертела головой по сторонам, и тронулась с места.

– Хотел бы я знать, что с тобой происходит. – грустно сказал Карасёв. – Но, видимо не узнаю.

– Михалыч, ты серьёзно в Третьяковку хочешь? Просто я не очень. Сгоняй один, а я тебя в кафе подожду.

– Да как скажешь!

На следующий день Ника отвезла Михалыча в аэропорт и отправила обратно в Новосибирск. Ей и в голову не пришло поехать с ним. А ведь там тоже ещё остались друзья. И даже живые родственники. А ещё могилы. Много могил, тех, которые положено навещать, ухаживать и грустить подле. Приходишь, бывало, на такую могилку, садишься на лавочку, и

грустишь себе вдоволь. Пока грусть из тяжелой и болезненной не становится светлой, очищающей. Интересно, вампиры путешествуют по стране? По миру? И если да, то как? В гробах? Стеклянных, из материала, не пропускающего ультрафиолет – пришло вдруг в голову Ники. Писательское воображение – удивительная вещь. Она представила себя в таком гробу и захихикала. Путешествие в гробу! Романтично. В её книгах вампиры просто подбирали себе рейсы так, чтобы не летать днём, только ночью. Логично предположить, что богатый вампир может иметь свой частный самолёт с иллюминаторами из пресловутого стекла. Интересно, если существует общество российских вампиров – наверняка есть в этом обществе какая-то иерархия? И кто в этой иерархии Данил, если ему поручают приходить с такими известиями? Логически – никто. Шестёрка. Нике стало тревожно и грустно: сама-то она кем будет, когда станет одной из них? Какое место в этой иерархии ждёт её? Интересно, что выбора-то всё равно нет. Или стать закуской, или вампиром. Третьего не дано.

Ника приехала домой и позвонила сыну и бывшей невестке. По-отдельности. Но собрать их планировала вместе: моя семья.

- Серёга, что ты делаешь?
- Спать ложусь.
- Да, нет же! Завтра.
- А. Ничего. Суббота.

– Ну, планы есть уже?

– Да нет пока, говорю!

– Приезжай ко мне. Посидим, отпразднуем что-нибудь.

– Что-нибудь – что? – слегка удивился Сергей.

– Ну, вот премьеру, например. Вышел же фильм.

– Так он в закрытом показе пока вышел. Чего его праздновать?

– У меня есть фильм. Я его тебе покажу.

– Мам, да я вампиров как-то не очень... – начал отнекиваться Серёга.

– Это вампиры твоей матери. Хватит отмазываться, приезжай. – Ника добавила в голос металла.

– Мам, что-то случилось? – забеспокоился сын.

Как же надоели.

– Всё в порядке. Я здорова.

После этого она позвонила Лизе. Лиза без разговоров согласилась приехать. Её никогда не надо было уговаривать. Они уже несколько лет как разошлись с Сергеем, но Лиза осталась частью семьи. Близкой подругой, родственницей. С Лизой будет сложнее всего. Лиза тоже хотела бы стать вампиром. Сколько вечеров напролёт, сидя на кухне с бутылочкой вина, они фантазировали на эту тему. Как бы здорово было встретить вампиров и стать такими же. Смотрели фильмы и сериалы на вампирскую тематику. А потом Ника написала своих вампиров. И ещё. И ещё. А потом нашёлся фанатик, который захотел увидеть «Кровавую любовь» на экра-

не. Скоро весь мир её увидит. Ника замерла. Позвольте, но Сергей прав. Фильм до фестиваля вышел в закрытом показе. Откуда тогда Данил знает, что там, в фильме? Хотя... учитывая, что фильм снят по книге почти один в один, можно ничему и не удивляться.

С утра Ника съездила в магазин вместе с Вегой. Собака скучала в машине, пока она покупала всё для царского застолья. Как в последний раз, или буквально в последний. В машине собака обычно ничего не громила, просто печально клала морду на лапы и вздыхала. Пока Ника не возвращалась с пакетами. Тогда Вега за примерное поведение полагалась вкусняшка.

Они привезли всё домой, и Ника встала к плите. Резала салаты, запекала мясо, делала канапе и большие бутерброды. Ей всё казалось: мало. Стол будет скромный. Всё казалось, что этого недостаточно для праздника. Она оглядела дело рук своих, налила вина в огромный пузатый бокал и выпила до дна. Главное, чтобы дети поверили, что всё это – просто так. Без повода. Ну, или по поводу фильма. Они должны поверить.

Лиза приехала раньше. И это было трудно. Лучше бы раньше приехал Сергей. От него она скрывала общую информацию, а от Лизы как будто что-то личное. Словно они мечтали о чём-то вдвоём, а теперь она получит желаемое одна. А Лизу оставит с носом. Так ведь оно и было.

– Что на тебя нашло? – Лиза окинула взглядом стол и ста-

щила кусок сыра.

– Просто захотелось праздника. У тебя не бывает, что ли?

– Бывает. Больше на свадьбу похоже. Юбилей только через три недели. Что за повод?

– Ну, фильм же вышел. Хочешь посмотреть?

– Очень! Но, боюсь.

– Почему? – поразилась Ника. – Ты же читала книгу. Тебе понравилось.

– Вот поэтому и боюсь. Что окажется хуже книги.

Хлопнула дверь, послышались шаги. Вошёл Серёга с ящиком пива в руках.

– Это на завтра.

Увидел стол. Ящик выскользнул из рук, но Серёга поймал его в метре от пола.

– Ё-моё! Мам, тебе Оскара дали?

Тут всем стало смешно. Они стали праздновать просто так, пить, веселиться и болтать. И даже неловкое ощущение, что она кинула Лизу, или вот-вот кинет, отошло на задний план.

Месяц пролетел незаметно. Она успела съездить по приглашению Марины в США. Стоя на горячем песке Форт-Лодердейл, ощущая лучи палящего солнца на коже, Ника думала о том, что это её последний отдых на пляже. И ей было всё равно. Как-то даже немного жаль было потраченного на это путешествие времени. Вероника никогда не любила

путешествовать... дался ей этот океан. Ну, ничего. Зато на юбилее она будет загорелая.

Всё дальше по времени был разговор с Данилом, всё менее вероятной казалась та встреча. Была ли она? Или всё это просто приснилось Нике? Дырки на руке остались едва заметными пятнышками, ненавязчивого бледно-розового цвета. Только эти два пятна напоминали о том, что встреча с вампиром не приснилась Веронике.

Она подготовилась. Завещание подготовила сразу, а после просто встречалась с родными и близкими, да слетала во Флориду на неделю. Провожая Нику в аэропорт, Марина спросила:

– А вы сигарет наших не купили даже. Бросили?

Бросила она давно, ещё когда была беременной двадцать восемь лет назад. Курила по пачке в день, а тут вдруг начался такой токсикоз, что не могла сделать и затяжки. Курить Ника начала рано, как все классические хулиганки. После беременности, родов и кормления организм продолжил забастовку – от выкуренной сигареты тошнило и болела голова. Так она и стала некурящей. Только когда выпивала, позволяла себе пару сигарет. На этот случай ей привозили и присылали импорт. Когда стала выбираться за границу сама – тоже покупала там сигареты. Они казались ей более качественными. Марина была её давней читательницей, она пару раз прислала Нике сигареты. А тут у неё просто вылетело из головы. Она настолько серьёзно и ответственно готовилась к су-

ществованию нежити, что не подумала о сигаретах. Не задумалась ни на секунду. А вампиры курят, интересно? Наверняка, нет. Почему, ну почему она не задала никаких вопросов Данилу, пока он сидел у неё дома?! Нет, она спрашивала. Всякие глупости. Например, сколько ему лет, или почему он укусил Нику в руку, а не в шею. Ладно, положим вампиры не пьют и не курят. От этого и будем отталкиваться.

– Бросила, ага. – равнодушно ответила Ника. – Марина, спасибо вам огромное! Я была счастлива побывать тут.

Преувеличение чистой воды. От Америки она ожидала большего. Может быть нужно было ехать в мегаполис, а не на курорт? Океан оказался просто водой, никаких особых отличий от моря она не нашла.

Двадцать восьмого апреля вечером Ника пошла с Вегой гулять. Прошёл дождь, мокрая прошлогодняя трава прилипла к ботинкам, свежая ещё не появилась. Зима была суровой и снежной, весна никак не хотела полноценно браться за работу. Где и когда такое было, чтобы в конце апреля ещё не росла трава? Ника обходила лужу и зацепила щекой ветку. Думала, поцарапается, но ветка мазнула по щеке чем-то пушистым. Ника включила фонарик на телефоне. Вербa. Мягкие пушистые почки. Ника понюхала ничем не пахнущую вербу, пощупала ворсинки. Вербa распустилась, значит уже весна, пусть и нет травы. Если прикоснуться к вербе, она поделится силой и красотой. Нике не нужна сила и красота вербы. Уже нет. Зазвонил телефон.

– Да, Серёж!

– Ма, я могу завтра опоздать вечером.

– Не вечером, а в три часа дня всё начинается. – напонила Ника.

– Ну, я и говорю: могу опоздать.

– А не опаздывать ты не можешь? Мне же не каждый год исполняется пятьдесят.

– Ну... не могу. По работе запара.

– Сынок, почему нельзя нормально всё сделать? Заранее разобраться с делами, попросить кого-то подменить тебя. Почему страдать должна я?

Ника злилась потому, что часть её сознания была твёрдо убеждена, что это последний день её рождения в кругу родных и друзей.

– Мам, нормальные люди не планируют юбилеи в будний день в три.

– Завтра пятница!

– Ну и что? Рабочий день. Всё, мамуль, постараюсь пораньше.

Следом позвонила Лиза.

– У меня голова болит. Давление упало. – заныла она.

– Слушай, кому тут пятьдесят исполняется? – разозлилась Ника. – Напейся кофе с утра. И вообще, может тебе завтра уже нормально будет.

– Да я не про завтра же-е. Я завтра хоть ползком, но приползу. Я просто тебе поплакаться. Хнык-хнык.

– Ага. Ясно. Ну... я тебе сочувствую. Всё, извини, я гуляю, Вега тянет!

– Ладно-ладно. Целую!

Ника не успела убрать телефон в карман и перехватить поводок поудобнее, как телефон снова запел.

– Да что ж такое! – психанула она. – Ну, что еще надо?

– Добрый вечер, Вероника Игоревна. Как дела?

– Кто это? – голос охрип.

– Да вы поняли, кто это.

Ника посмотрела на дисплей. Номер неизвестен.

– Ну, как? Все дела успели сделать?

– У... успела. Да, всё в порядке.

– Ну и отлично!

– Но у меня завтра юбилей!

– Поезжайте на свой юбилей. Хорошо вам отпраздновать.

До завтра!

В трубке стало тихо. Ника посмотрела на Вегу. Она больше не тянула. Ника снова включила фонарик. Собака стояла посреди дороги, наклонив голову и внимательно глядя на хозяйку. Сердце защемило.

Утром Ника встала опухшая и с красными глазами. Уже почти вампирскими. Всю ночь она обнимала свою собаку и ревела. Ничего из своей не особо счастливой жизни ей было не жаль. Но было почему-то обжигающе больно расставаться с Вегой. Она брала её щенком. Маленьким пупсом, который умещался за пазухой. Растила, лечила от болезни, под-

хваченной в детстве. Баловала. А теперь нужно расставаться. Но, может быть пусть лучше так. Чем собака дожила бы до старости и умерла у Ники на руках.

Вега было неудобно и мокро от хозяйки, но она терпела. Хозяйка была без глупостей, и если ныла – значит была на то причина. Вега слизывала слёзы с Никиного лица, погружая её ещё глубже в чувство вины. А утром Вероника решила, что страдать ей осталось совсем чуть-чуть, а после она станет бездушным монстром, и перестанет чувствовать стыд, вину и боль.

К двенадцати приехала Женя, помочь Веронике привести себя в порядок. Договорились они заранее, чуть ли не за полгода, потому, что Женя была очень востребованным визажистом. Женя припарковалась за воротами с лихим взвизгом колёс, забежала в дом и чуть не уронила чемоданчик, увидев Нику.

– Мать честна! Что с тобой? Ты что, вчера отмечала уже?

– Нет. – не соврала Ника. – Просто ночью плакала в подушку по поводу стремительно приближающейся старости.

Женя бесцеремонно схватила её за подбородок и покрутила голову Вероники вправо-влево.

– Ну, садись... надеюсь, я успею. Сейчас наложим тебе чудо-маску, отёчность должна уйти. А красноту замажем. Так, сиди тихо! На глаза положим вот такой компрессик. Теперь не шевелись полчаса. После всё смою и накрашу.

Ника откинулась в кресле.

– Кофе сама себе налей. Напала на меня, я даже ничего тебе предложить не успела. – стараясь не артикулировать особо, сказала Ника.

– Да а я о чём? Ты в таком виде, что я тоже побоялась не успеть ничего. У тебя же начало в три?

– Да.

Женя загремела в кухне. Вернулась через пару минут и принесла с собой запах кофе. Присела на кресло рядом.

– Фу-ух. Хоть передохнуть чутка. А вообще у тебя совести нет! Плакала она по поводу старости. Мне тридцать лет, я уже вся обколотая, а тебе полтос – и ни в одной складочке. А кожа выглядит лет на тридцать пять. Разве это справедливо?

– Ну, ты же сама выбрала колоться.

– Я должна быть в теме! Я визажист.

– Тогда не жалуйся.

Нике было хорошо. Так бы и сидела в масочке и с компрессом на глазах. Нет, придется ехать, принимать поздравления, пить, есть, и думать, думать, думать. О том, что вот-вот всё закончится. А главное, как оно закончится-то? Этого Ника тоже не знала.

Женя поколдовала над её лицом и волосами. Обычно Вероника не любила всего этого, в обычной жизни она даже косметикой не пользовалась, и в парикмахерскую ходила, когда уже припрёт – типичный творческий человек. Голову не забыла помыть, и хорошо. Но сегодня ей всё было в кайф. Потому, что в последний раз...

– Сколько я тебе должна? – Ника полезла в карман сумки.

– Нисколько. Это мой подарок тебе. На юбилей.

– Ты с ума сошла! Жень, так не годится. Ты же даже не придёшь в ресторан.

– Ну так это я не приду, ты-то приглашала! Завтра концерт у Зимы. Еду с ней. Так что, сегодня никаких пьянок, прости.

– Твоя Зима сама-то бывает трезвой на сцене? – засмеялась Ника.

– Нет. Но ей-то не надо себя красить. А я должна быть в форме. Лицо рисовать это вам не по сцене прыгать.

Она чмокнула Нику в щёку, уже на ходу крикнула «поздравляю» и исчезла. Снова взвизгнули колёса, и Ника осталась одна. С Вегой. Пора было вызывать Надю и такси. Ника присела на краешек стула. Вега лежала около кухонного шкафа. Лапы вытянуты, голова на лапах, глаза закрыты.

– Не реви! – сказала себе Ника. – Женя старалась, рисовала. Подарок тебе сделала. Не смей реветь!

Она достала копию завещания с ключом от домашнего сейфа в заклеенном конверте, на котором большими буквами было написано «Сергею», положила его на самое видное место, и выскочила из дома. Ника обналичила миллион рублей для того, чтобы сын мог спокойно жить с Вегой у неё дома, пока будет бюрократическая волокита. Миллиона должно хватить. На похороны в том числе. Если, конечно, у неё будут похороны... Надя уже спешила к ней, а такси Ника ре-

шила дожидаться на улице. Там она точно не расплатится.

Приехав пораньше и убедившись, что всё в полном порядке, Ника стала ждать гостей. Вовремя, конечно, мало кто приедет. Через окно в полстены Нике было видно большой кусок улицы и выход из метро. По ступенькам поднималась Лиза с цветами. Да что за невозможная девица! Говоришь ей, говоришь, чтобы цветы не дарила – нет, тащит! Срезанные цветы Вероника никогда не любила, а те, что в горшках, не любили её. Или боялись, что ли – чёрт их знает. Но все её попытки ужиться с комнатными цветами заканчивались крайне неудачно для цветов. Что бы она не делала, как бы тщательно не соблюдала инструкцию по уходу за ними – цветы сохли, вяли и умирали медленной смертью.

– Привет, моя хорошая! – полезла обниматься Лиза. – Прости-прости, знаю, ты не любишь, но как в такую дату без цветов?

– Ну, ты хотя бы помнишь, что не люблю. – обняла Ника бывшую невестку.

Та замахала цветами на официантов, мол, поставьте куда-нибудь. Молодая девушка забрала букет.

– Слушай, может жахнем? – предложила Ника. – Как там сегодня твоё давление?

– Ну какой жахнем, какой жахнем! Гости придут, а ты готовая. Давай подождём.

– Да вот не пофигу, какая я буду, когда они придут? У меня юбилей, не у них. Давай по чуть-чуть, а? А то мне как-

то... – Ника потёрла грудь слева.

– Ну, давай. Сосудики расширим твои.

– И твои заодно!

Они выпили коньяка, закусили лимоном. По груди разлилось приятное тепло. Интересно, что чувствуешь, когда вместо коньяка – кровь? Когда кровь вместо всего?

– Ты как-то изменилась. – заметила Лиза. – Всё в порядке?

«Ещё не изменилась» – усмехнулась про себя Ника. А вслух сказала:

– Посмотрю я на тебя, когда тебе стукнет пятьдесят!

Вскоре начали подтягиваться гости. Застолье стало общим, градус веселья нарастал. Тосты шли потоком, то в ногу с льющимся алкоголем, то запаздывая, то обгоняя. Ника уже устала слушать, какая она прекрасная.

– Почему ты не захотела ведущего? – шепнула Лиза. – Хоть порядок бы какой-то был.

– По конкурсам соскучилась? – засмеялась Ника. – Так я сейчас устрою. Специально для тебя.

Да, порядка не было. Кто с кем хотел, тот с тем и выпивал, и разговаривал. За тостами пришло время анекдотов, и это тоже было хаотично и весело. Сергей пришёл ближе к восьми. Обнял мать и накинулся на еду. И вот это ему Ника оставляет на попечение свою собаку? Он ведь пофигист и раздолбай, как всё это будет? «Неважно, – шепнул внутренний голос, – тебе будет всё равно».

На улице стемнело. Нику переполняло предчувствие,

слегка отравленное тоской. Она сходила в туалет, не забыв подумать, ходят ли в туалет вампиры. Конечно нет, ведь они не живые. Проходя обратно мимо колонн, Ника почувствовала крепкую руку, тянущую её за колонну. Сердце ухнуло в пятки. Она повернулась. Фу-х. Это был всего лишь Захарченко, актёр, сыгравший охотника на вампиров в её фильме. У них во время совместной работы возникла какая-то симпатия, Ника даже пригласила его на юбилей. Но симпатии особо волю не давала, потому что Захарченко было то ли тридцать, то ли в самом лучшем случае тридцать пять. Ну куда?

– Куда ты бежишь? Дай я тебя поздравлю. – нетрезво усмехнулся Олег.

– Нет уж, я лучше без подарка останусь. – съязвила Ника. Но Олег был настроен решительно. Притянул Нику к себе и поцеловал. Что сказать, целоваться он умел. Ника ответила на поцелуй и почти сразу отстранилась.

– А тебя мама не заругает, что ты так поздно гуляешь?

– Ник, ну чего ты начинаешь? Почему ты отшиваешь меня?

– Потому, что я тебя старше. Нам это не надо.

– Не решай за меня, ладно?

– Но за себя-то я могу решать!

– Значит – нет? – погрустнел Захарченко.

– Нет. Но дело не в тебе.

– Господи, какая глупость...

Олег ушёл в сторону накрытого стола, Ника выждала минуту и собралась последовать за ним, но тут её снова взяли за руку. Холод проник сквозь ткань блузки и пополз под кожу. Она повернулась. Данил.

– Я на секунду. – он протянул ей бокал. – Выпей.

– Что это? – Ника понюхала.

Пахло вином.

– Просто выпей. И ещё: из ресторана уходи последней.

Она выпила. Данил вынул бокал из её руки и исчез. Только что стоял рядом, и вот испарился. Будто и не было. Ну и дела. Ника прислушалась к себе: ничего. Ни малейших изменений. И что это было? Что она выпила?

Ресторан работал до последнего гостя. Все начали потихоньку разъезжаться. Лиза с Сергеем жили недалеко друг от друга, они собрались уезжать вместе.

– Мам, мы поедem?

– Да. Спасибо!

– За что? – удивился Сережа.

Ника встала и обняла его. Да, у неё вырос тот ещё фрукт! Но она всё равно любила его. Всею душой, всем материнским сердцем. Может быть, не так самозабвенно, как полагается любить детей, но любила. Он ещё ничего не знает. Она понятия не имела, что и как он узнает. Нике просто хотелось обнять его покрепче и почувствовать эту любовь к своему ребёнку. Хотя бы минуту.

– Мам, всё в порядке?

– Да-да. – Ника отцепилась, коротко обняла Лизу. – Давайте. Спасибо, что приехали.

Наконец все гости разошлись. Ника рассчиталась с менеджером ресторана и пошла к выходу.

– Вероника Игоревна, а подарки? – окликнула её девушка.

– Что? А, подарки...

Вот зараза! Ей же надарили подарков. И куда они ей теперь?

– Оксана, а можно это всё куда-то сложить до завтра? Завтра заберём.

– Ну... хорошо, конечно. Я уберу к себе в кабинет. – девушка взяла со стола несколько конвертов. – Тут, наверное, деньги. Заберите сейчас.

Ника не глядя сунула конверты в сумку, махнула рукой и вышла на улицу. Около входа стояло одинокое такси. Она открыла заднюю дверь.

– Садитесь вперёд. – за рулём оказался Данил.

Ника поёжилась. Кажется, начинается самое интересное. Она захлопнула дверь и села на переднее сидение.

– Ну, что? Со всеми попрощались?

– Ну... так.

– Поехали!

Данил рванул с места.

– И что теперь? Авария? – спросила Ника.

Он летел на бешеной скорости, Ника сидела, вцепившись в ручку, и боялась дышать.

– Да, ну... авария. Авария – это скучно.

– Тогда зачем так гнать?

– Чтобы успеть до рассвета.

– Куда? – не поняла Ника.

– В новую жизнь, куда же ещё.

– Но как я умру? Я же должна умереть? – не понимала

Ника.

– Ты утонешь. Годится?

– Утону?! – удивлению Ники не было предела.

– Ну, да.

– Слушай. – сообразила она. – А чего мы то на «вы», то на «ты»?

– Ты серьёзно, что ли? – расхохотался Данил.

Ника увидела, что они едут мимо посёлка, в котором она жила. Данил проехал дальше, километров пятьдесят. Остановил такси, повернулся к ней.

– У нас пара часов до того, как солнце встанет. Где ключи от твоей машины?

– На ключнице около двери.

– Давай ключи от дома, чтобы мне не шуметь там.

– Да что ты пытаешься сделать?

– Ника... быстрее давай!

Она отдала ему ключи и Данил исчез. Его не было от силы полчаса, а потом Ника увидела свою мазду. Данил съехал поближе к берегу, вышел из машины и оставил дверь открытой. Вернулся в такси, взял у Ники сумку, кинул её на берег

рядом с машиной. Сел за руль и рванул в сторону Москвы.

– Но меня же будут искать... – ошарашенно сказала Ника.

– Будут. Но не найдут. Так тебя быстрее объявят мёртвой, чем если бы ты просто исчезла.

– Бред какой-то... с чего бы я среди ночи поехала в холодном озере купаться?

– Да ты не хотела в нём купаться. Просто гуляла под градусом и свалилась случайно. Вот и вся история.

– Как можно случайно свалиться в озеро! Да ещё и утонуть.

– Ты не поверишь, можно свалиться в лужу, и утонуть там. Что уж про озеро говорить.

– А ты правда думаешь, что не найдут тело и успокоятся? Почему нельзя как-то по-человечески умереть.

– Ника, нас нельзя хоронить. Мы горим на солнце. – терпеливо объяснил он.

– А в закрытом гробу?

– Ты собираешься лично об этом попросить? Похороните меня в закрытом гробу, пожалуйста. Так что ли?

– Ну, да. И так бред, конечно.

Они подъехали к какому-то дому.

– Выходи. – скомандовал Данил.

К ним подошёл парень, Данил отдал ему ключи от машины и дал денег. Парень сел в такси за руль и уехал.

Ника подняла голову. Небо стало серым. Еще немного, и выглянет солнце. Данил подтолкнул её к подъезду.

– Ты можешь сказать хотя бы, где мы?

– В ближайшее время тебя это не должно беспокоить.

Главное сейчас укрыться от солнца.

На лестнице Данил пропустил её вперёд. Они дошли до третьего этажа.

– Пришли. – он быстрым движением открыл двери и дал ей пройти внутрь.

– А почему мне тоже надо прятаться от солнца? Я что, уже вампир?

– Пока нет. – сказал Данил у неё за спиной, и быстрым движением свернул ей шею.

Яркая вспышка боли вспыхнула где-то в нижней части головы, а потом всё исчезло.

– А вот теперь почти уже вампир. С днём рождения!

Данил подхватил Нику на руки, занёс в комнату и не особо церемонясь положил на диван. Он надеялся, что ему осталось недолго с ней возиться. Может быть после этой писательницы ему дадут какое-нибудь задание посерьёзнее.

Сергея разбудил звонок. Он сунул трубку под ухо, не глядя. Сколько было времени, Сергей не имел ни малейшего понятия. Открывать глаза, чтобы понять, где он, тоже не хотелось. Вчера был юбилей матери, и накидались они как надо. Потом они ехали с Лизой в такси к себе в Красногорск. Кажется, выпили ещё вина. У него, или у неё. Всё это было уже как в тумане...

– Алё?

– Серёж, мама к вам что ли поехала? А чего меня не предупредила? Мне по своим делам надо, а я с Вегой тут застряла.

– Кто это?

– Серёжа, это Надя. Ваша соседка по посёлку. Справа.

Сергей оторвал трубку от уха и с трудом открыл глаза. Точно. Надя. На дисплее так и значилось: «Надя, соседка». Точно! Это та баба, которая сидит с мамкиной овчаркой, а на него, на Сергея, смотрит как на потенциального жениха. Голос Нади в трубке продолжал что-то вещать. Сергей начал понимать, что мама не приехала домой.

– Надя, не таракти! Я ещё сплю. Спал... мать не вернулась домой?

– Ну, я же говорю – нет! А что? Она не у вас? – насторожилась Надя.

Насколько Серега помнил, из ресторана они с Лизой уезжали вдвоём. Может Ника приехала позже? Надо разобраться, что вообще было вчера. Точнее, сегодня ночью.

– Надь, я всё равно сию минуту не могу приехать. Сейчас, попробую разобраться, что к чему, и перезвоню тебе. Ладно?

– А что мне остаётся? – вздохнула Надя.

– Погоди. – Сергей резко подскочил, голова отозвалась избытком принятого спиртного. – А матери ты звонила?

– Так всё утро звоню. Сначала были гудки, а потом робот про абонента начал рассказывать.

– Ясно. Ты посадила ей телефон. Она звук отключает, когда спит. Сейчас я что-нибудь выясню. Будь на связи.

– Серёжа... тут ещё кое-что.

– Что ещё?

– Она вчера уехала на такси. А сегодня мы с Вегой вышли на прогулку, а машины нет.

– Какой именно машины нет?

– М-м. – замялась Надя. – Маленькой.

– Маленькая – это мазда. Я понял.

Вторая машина была внедорожником. Мать среди ночи приехала домой нетрезвая и взяла машину? Как-то всё странно. Телефон зазвонил снова.

– Да! – рявкнул Сергей.

Он терпеть не мог, когда ему мешали думать. А тем более, когда и без того думалось так себе.

– Серёжа, – испуганно залепетала Надя, – тут ещё кое-что.

– Ещё? Надь, давай всё сразу.

– Конверт на столе на кухне. На видном месте. Он заклеен и на нём твоё имя.

– Надь, я понял. Жди звонка.

– Может посмотреть, что там?

– Не надо ничего смотреть. Убери его с видного места.

Отдашь мне, когда я приеду.

– А ты приедешь? – с надеждой спросила соседка.

– А есть варианты?

Куда же забралась его блудная мамаша? Пятьдесят лет, а

ума Бог так и не дал. Зная её, быть она может где угодно. Кажется, у неё были какие-то шуры-муры с актёром из фильма... Захаров, или как там его фамилия? Может она у него? Но как? На машине пьяная уехала? Мрак! Сергей уже убедился, что он у себя дома и один. Набрал Лизе, она тоже была ещё сонная.

– Суворов, ты спятил? Мы два часа назад только разошлись!

– Ну... не два.

– Да два! Дай поспать. Или ты потерял что? Как ты вообще добрался? Нормально?

– Лиз, я нормально. Слушай. Мать пропала куда-то. Мы у тебя, получается, сидели?

– Ну, да. – судя по голосу, Лиза начала просыпаться. – Ты не помнишь, что ли, ни хрена?

– Относительно. А Ника случайно к тебе ночью не приезжала?

– Нет. Нет, не приезжала. Серый, что случилось?

– Она не приехала домой. И машина куда-то пропала.

– Боже мой! А ты звонил ей?

– Нет ещё. Но звонила соседка. Сначала гудки были, теперь телефон отключен.

– Так ты позвони сам!

– Сейчас. – Сергей вытащил из-под подушки рабочий телефон, набрал матери.

Механический голос сообщил, что телефон абонента вы-

ключен или находится вне зоны действия сети.

– Села батарея, наверное.

– Что делать?

– Для начала я поеду туда. Мне соседку отпустить надо. Там я завалюсь спать. Буду надеяться, что она объявится. Ну, загуляла, она может, ты же знаешь...

– Пьяная и за рулём? Нет, такого не припомню.

– Лиза, не нагнетай.

– А я что? Твоя мать. Но мне всё это не нравится. И кажется странным!

Сергею это всё тоже не нравилось. Мало того, что мать пьяная никогда бы не села за руль, была ещё одна проблема. Ника бы не бросила собаку, не убедившись, что с ней готовы сидеть. Он вышел из дома, купил пива на дорожку, вызвал машину и поехал в сторону Звенигорода. Хорошо хоть живут они с матерью в одном направлении. А вот что суббота – плохо. Все едут за город. Не доезжая Звенигорода Сергей показал таксисту, как быстрее доехать до посёлка. Водитель загляделся на лес вокруг.

– Как у вас тут красиво! Я и не знал, что в Подмосковье такие места есть...

– Да, неплохо. За рельсами прямо полкилометра, потом направо, три дома и приехали. Спасибо!

Сергей рассчитался, захватил пакет с пивом и вышел. Надя уже выглядывала в окошко. Он вошёл в дом, сунул пакет в холодильник.

– Извини, что так вышло. Давай конверт.

Надя вынула слегка помятый конверт из кармана. Протянула Сергею. Кажется, она была обижена.

– Я тебе должен что-то? – сохраняя дистанцию спросил Сергей.

– Нет. Нет, всё нормально.

Она вспыхнула и выскочила из дома. Сергей запер дверь на задвижку, чтобы Вега не смылась. Включил телек и завалялся на диван в гостиной с бутылкой пива. Надо было поспать. Если Лиза говорит правду, и до утра они сидели у неё, чудо, что он вообще добрался сюда в таком состоянии. Вега запрыгнула на диван в ноги и лишила Сергея шанса вытянуться во всю длину.

– Дура. – обидно сказал он. – Дура невоспитанная. Какого чёрта тебе всё тут позволяют?

Вега проигнорировала его, устраиваясь поудобнее. Сергей уже почти задремал в неудобной позе на диване, когда зазвонил телефон. А мать-то не так уж и неправда, что выключает звук, когда ложится спать. Звонила Лиза.

– Ну что там? – накинулась она с ходу.

– Тут невоспитанная глупая псина, обиженная соседка, муть какая-то по НТВ и пиво. – он перевернул бутылку и потряс. – А! Пиво-то я уже и допил.

– Где Ника?

– Ну, тут её нет.

– И что? Ты просто сидишь там? Звони в полицию!

– Я вообще-то лежу. Давай подождём до вечера. Не паникуй.

– Она бы не оставила Вегу на сутки!

– Ой.

– Не ой! Тогда бы она предупредила эту Настю...

– Надю.

– Да какая разница! Она бы предупредила.

– Лиза. – Сергей подумал, как плохо, что Вега так тупа, что не принесёт пиво из холодильника. – Полиция ничем не поможет. Она принимает такие заявления спустя трое суток. А мать просто куда-то забурилась и скоро придёт.

– Классно забурилась мать. Даже телефон зарядить не может. Куда она забурилась? В лес?

– Прекрати паниковать! И заражать этим меня. Я спать хочу.

– Ты эгоист. Ужас. У тебя мать пропала, вместе с машиной. А ты хочешь спать! Ты всё ещё удивляешься, почему я от тебя ушла?

– Да мне плевать, почему ты ушла от меня! Мне вообще на всё плевать! Отстань от меня, истеричка! Иди в полицию сама. Пусть над тобой там поржут.

Сергей кинул телефон, попал Веге в бок.

– Твою мать. Прости!

Вега заворчала и перевернулась на другой бок. Сергей встал, чтобы сходить к холодильнику за пивом. Из кармана что-то выпало. Конверт! Про конверт-то он и забыл. Забрать

у Нади не забыл, а открыть даже не подумал. Сунул в карман и всё. Он разорвал плотную бумагу, увидел какой-то документ. Много букв. Очень много букв. Неохота читать. Он обратил внимание на заголовок. Жирным шрифтом было напечатано: «Завещание». Сергею стало нехорошо. Он бегом сбегал за пивом. Почему он вообще должен похмеляться, как последний алкаш? Ему просто надо выспаться. Сергей залпом выпил полбутылки пива и засел читать завещание. Это всё было... настолько не про Нику. Она не могла написать завещание. Она собиралась жить вечно. Даже если это было совершенно исключено и невозможно, и не было предусмотрено природой – Ника жила так, будто не умрёт никогда. Его мать не стала бы писать завещание. Но чем дальше он продвигался по содержанию документа, тем более очевидно было, что это завещание Вероники. Её последняя воля. Для Сергея там не было ничего хорошего. Ну, то есть мать завещала всё ему, но с одной оговоркой: он должен был жить в этом доме с Вегой. Ну, допустим, написала. Вега уже не юная девочка, мать переживёт её в любом случае. Для чего она оставила ему этот конверт на видном месте? Это копия. Оригинал где? Сергей вынул из конверта ключ от сейфа. Проглотил пиво, оставшееся в бутылке. Пошёл к матери в спальню. Но сейф открывать не стал, открыл шкаф с одеждой. Все вещи были на месте. Значит, побег отменяется. Он выдохнул и открыл сейф. В нём был оригинал завещания и две пачки купюр номиналом в пять тысяч. По идее, милли-

он рублей. Зачем она оставила тут этот миллион? Чтобы ему было на что жить, других объяснений нет. Но где она сама? Ушла в лес, чтобы совершить самоубийство? Точнее, уехала на машине. Это единственное логичное объяснение. Вот только его мать и суицид, это как гений и злодейство – вещи несовместимые. Он позвонил Лизе.

– Короче. Прости. И приезжай. Я без тебя не вывезу.

– Что там? – испуганно спросила Лиза.

– Просто приезжай, пожалуйста. Скорее. Ты можешь?

– Хорошо, сейчас.

– Бутча с собой бери.

– Ясно.

– Ладно?

– Да-да.

Если она поедет без Бутча, то к ночи уедет обратно. Вега, Бутч... девочки – фанатки Тарантино. Что мать, что жена. Бывшая. Скорее бы приехала, хоть бывшая. У Сергея не было сил оставаться тут одному. Он ничего не понимал, и теперь по-настоящему испугался. Его мать совершенно точно куда-то пропала. Не загуляла, а именно пропала. А учитывая это завещание – пропала она не случайно. Может она болела? Ника бы ни за что не стала лечиться. Её мать, бабушка Сергея, ужасно умирала не столько от рака, сколько от лечения. Вероника не пошла бы на такое никогда. И что? Заболела и решила наложить на себя руки? Это возможно. Но перед этим она бы взяла от жизни всё. А если она всё и

взяла? Она летала в Америку. Спонтанно. Собралась, получила визу и рванула на неделю. Сергей не знал, что думать. Скорее бы приехала Лиза. В дверь постучали, Вега кинулась с громким лаем на стук. Приехала! Так быстро? Сергей открыл и только успел схватить собаку на шкуру. За дверью стояла полиция.

– Вы пройдите! А то она выскочит, а я не поймаю её потом.

Два мужика в форме прошли и аккуратно закрыли за собой дверь.

– Майская Вероника Игоревна тут проживает? Она дома? Они смотрели со смесью подозрительности и сочувствия.

– Мама нет дома. Не вернулась после юбилея.

– А должна была?

– Должна. Соседка сидела с собакой. Вот... меня вызвала.

– Это которая соседка? – один из ментов достал блокнот и ручку.

– Слева... ой, справа. Надя Калинина. Кажется.

– Давно вы приехали?

– Что происходит? – они молчали, смотрели на него. –

Почему вы пришли? Что с моей мамой?

– Да нам самим интересно. Присядем?

Какой-то мужик ехал на велосипеде мимо озера Глубокого. Увидел мазду с открытой водительской дверцей. Рядом на земле валялась женская сумка. В сумке разряженный айфон. Селянин оказался порядочным человеком, ничего не

украл, не присвоил, вызвал полицию. Нашли документы на имя Майской Вероники Игоревны и приехали по месту прописки. Всё это товарищи сообщили казённым тоном уставших от службы блюстителей порядка.

– А... тело? – он с трудом вымолвил это «тело».

– Нет. Ничего. Вашей матери не было там ни живой, ни мёртвой.

– А в воде искали? Ну, в озере этом?

– Нет. Сначала решили на суше поискать. – усмехнулся один.

В дверь постучали. Сергей встал, гости тоже встали. Он пожал плечами, пошёл открывать. Влетела Лиза.

– Ну? Не пришла? А машина? Ты всё-таки вызвал?

– Сами приехали.

– Что?.. Что?! – выкрикнула Лиза.

– Девушка, вы кто? Документики ваши можно? И ваши, кстати, тоже?

Сергей психанул.

– Собачий паспорт тоже надо?

Он не любил ментов. На генетическом уровне. Его отец был дважды судим. Уже после того, как мать ушла от него. Его одноклассница, подруга, почти сестра отсидела ни за что шесть лет. У Сергея было чёткое ощущение: они не защищают, они вцепляются мёртвой хваткой и тащат на нары. Вот сейчас, вместо того, чтобы искать его мать – вдруг она ещё жива, вдруг ей нужна помощь, – они документы требуют.

Лиза вынула паспорт из сумки, сунула тому, кто сидел ближе. Подошла к вешалке, по-хозяйски достала из Серёгиной ветровки паспорт, отдала и его.

– Суворов... Вы сын пропавшей? А вы кто? Дочь?

– Я её невестка. Бывшая. Но это не имеет никакого значения. Вы знаете, кто моя свекровь?

– Бывшая свекровь.

– Это не имеет значения! Вероника Майская – режиссёр Кровавой любви. Она известный писатель! Вы должны её найти.

– Так писатель или режиссёр? – спросил тот, что был постарше. – Определитесь уж, девушка.

– Она сняла кино по своей книге. Реклама везде идёт. В кинотеатрах вроде не было ещё. В мае премьера. – пояснил молодой своему коллеге.

– Может и перенесут. Из-за того, что фестиваль отложили. – добавила Лиза.

– Ещё писателя нам с режиссёром не хватало. Когда видели пропавшую последний раз?

Сергей не мог слышать это слово. Пропавшая. Лиза была более собрана.

– Ночью в ресторане Витязь. Она отмечала юбилей. Пятьдесят лет. Мы уезжали почти последние, она оставалась там. Но тоже собиралась домой.

– Вы – это кто?

– Мы с Серёжей.

– Так вы женаты или нет? Тут вот штамп о разводе.

– Мы разведены. Но живём рядом.

– Вы живёте рядом – где?

– В Красногорске.

– А тут кто живёт?

Сергей замычал. Боже! Нельзя быть такими тупыми. Мент добавил:

– Кто тут проживает, кроме гражданки Майской?

– Вот. – Лиза указала на собаку. – Вега тут проживает. Ника и Вега. Нет тут больше никого.

– А вы тут как оказались? – уставился служитель закона на Сергея.

– Меня вызвала соседка, которая сидела с собакой. Ей нужно было уходить и приехал я. Я уже говорил об этом.

– Дурдом. – высказался тот, что постарше. – Собачьи няньки, кинофестивали и прочее. Она точно нигде в доме не отдыхает после юбилея?

Он многозначительно поводил глазами по стенам.

– Нет. – терпеливо объяснил Сергей. – Я проверял.

– Поедем, доложим. Пусть вызывают водолазов.

– А нам что делать? – спросила Лиза.

– Вам можно обратиться в поисковый отряд. Обзвонить её друзей. А можно просто сидеть и ждать – дело ваше. Может объявится ещё.

Менты вышли. Лиза придержала Вегу, закрыла дверь на замок.

– Не объявится. – Сергей уронил голову на руки и заплакал.

– Что-о?! Почему?

Он вытащил из кармана завещание, сунул Лизе. Она пробежала его глазами.

– Почему ты им ничего не сказал.

– Потому. Пусть ищут!

– Да они так и так будут искать!

– Угу.

– Копия... интересно, где оригинал?

– В сейфе. И лял наליком. Тоже надо было им сказать?

Лиза присела. Картина выглядела всё хуже и хуже.

– А где ты это взял? – догадалась спросить она.

– Соседка нашла на кухне. На самом видном месте. В конверте. Конверт подписан мне.

– Ника составила завещание? И оставила на видном месте? Мне надо выпить!

– Теперь понимаешь, что всё хреново?

– Да... как-то не очень хорошо.

Её свекровь патологически боялась смерти. Настолько боялась, что ничего не хотела о ней слышать. Своими руками составить завещание в неполных пятьдесят лет и оставить копию сыну на видном месте... это было настолько не про Нику. Она бы отрицала смерть до последнего, гнала от своего порога, даже если та явилась бы своевременно и во всеоружии: в капюшоне и с косой. Что это всё могло значить?

Лиза была в замешательстве. А ещё очень напугана. Как Серёга это всё переживёт, если это не дурной сон и не злая шутка? Он безумно любил свою мать и абсолютно был не готов её терять, Лиза знала это наверняка.

– А где Бутч? – неожиданно спросил Сергей.

– Не волнуйся. Я оставила его Кате, она посидит.

Катя была подругой Лизы из соседнего дома, их собаки дружили.

– Ты не уедешь сегодня?

– Нет, конечно.

Лиза обняла его за голову, и Сергей дал волю слезам.

Ника сидела на диване с пакетом крови и листала новости. А она, оказывается, и правда не пустое место в индустрии. Даже в двух. В литературе и в кино. Была не пустым местом. Все новости пестрели заголовками о её предполагаемой смерти. Может она погорячилась, когда отказалась от всего этого? Хотя... выбора-то ей никто не оставил. Тело не нашли. Дом в посёлке осаждали журналисты. Все хотели выпустить материал о таинственном исчезновении писателя, «играющего в опасные игры с миром тьмы». Так и писали. Идиоты. Она надеялась, что в скором времени эти падальщики отцепятся от Сергея, и переключатся на что-нибудь свеженькое. Он мужественно проживал в её доме и нянчился с собакой, об этом тоже писали в новостях. Сей тяжкий крест Сергей не отказался нести, разумеется, по причине того, что

без собаки не было бы наследства. Не Бог вещь какого, но всё же: дом, две машины, несколько миллионов рублей на счетах в банке. Да и вообще, какой идиот откажется? Живи себе на всё готовом, вся забота – вывести собаку на улицу да корма в миску сыпануть. Работа мечты! Сергей был тоже любителем собак, но Вегу считал дурой. Незаслуженно избалованной и бесполезной. Так и есть, что греха таить? Точнее, так было. Сергей вряд ли будет баловать собаку. Главное, чтобы не обижал. Хотя... какая разница. Она отхлебнула из пакета.

За спиной возник Данил.

– Что смотришь?

– Некрологи о себе читаю. Завтракаю.

– Пора учиться быть вампиром.

– Что это значит? – подняла она голову.

– Значит, пойдём гулять.

Ника потянулась. Ничего. Мышцы неживые. Не тянутся, не болят. Не ощущаются. А силы в них как в сотне узлов обороны вместе взятых. Чудеса.

– Ура! Наконец-то.

Данилу оставалось совсем немного. Убедиться, что она может передвигаться самостоятельно, не бросаясь на людей. Отвезти её к Сомову. И избавиться раз и навсегда. Эта женщина его пугала. Ну ненормально дожить до пятидесяти лет с мышлением ребёнка! Писать книги про вампиров, грезить бессмертием. Грезить до такой степени, что добровольно,

по своей воле, быть готовой даже стать нечистью, лишь бы не прекращать земное существование. Также Данила пугало то, что внешне Ника выглядела гораздо моложе своих лет. Встреть он её просто на улице – был бы уверен, что ей лет тридцать, максимум тридцать пять. Ну никак не пятьдесят. Ведьма, чисто ведьма. Наверняка нашла какое-то заклинание, чтобы не стареть. А теперь стала бессмертной. Почему некоторым достаётся всё в соответствии с их желаниями? Нет, Данил не жалел о том, что он вампир. Хоть и стал им не по доброй воле. Но ведь вечность – это ловушка. Мышеловка, из которой не выбраться. Как можно думать о ней всерьёз? Искать пути к вечности? Это не одно и то же. Принять свою сущность уже по факту, смириться и получать удовольствие от того, что ты бессмертен. И стремиться к вечности осознанно. Нет, Данил не понимал эту странную женщину и не хотел задерживаться с ней рядом сверх необходимого. А самым пугающим – хоть он и не хотел признаваться в этом даже сам себе – было то, что его тянуло к Нике. Это уж точно ни к чему.

– Общество существует несколько веков. Наши есть везде. Во всех руководящих органах. В каждом крупном бизнесе, где крутятся большие деньги. Я бы сказал тебе, что вампиры правят этим миром, но это будет преувеличением. Скажем так: вампиры в доле. Ну, а в пищевой цепи мы, естественно, выше. Но это не значит, что можно хватать людей на улице и кусать их, а потом бросать живыми или мёртвыми.

Они шли по улице и разговаривали.

– Погоди... и в правительстве есть вампиры?

– Конечно.

– Да ладно?! И в думе?

– В думе их значительно больше одного.

– Но как... а дневной свет?

– Подземные парковки, специальные стёкла в помещениях.

– Но их же нужно туда поставить, эти специальные стёкла!

– Ну так их туда и поставили. На вид стекло ничем не отличается от обычного. Ничего сложного нет в том, чтобы организовать замену стёкол на те, что нужны нам. Это же не теракт. – терпеливо пояснял Данил. – Ты лучше скажи, что чувствуешь сейчас? Когда мы ходим среди людей?

– Ну... – Ника наморщила нос. – Они воняют.

– Да. Но ты привыкнешь. Поначалу будет желание впиться в глотку любому проходящему. Поэтому я и хожу тут с тобой.

Данил вздохнул. Хорошо Сомову отдавать распоряжения. Сам бы и гулял с ней, и рассказывал обо всём. Зачем Данилу все эти ахи-вздохи и «да ладно?!» Нет, удивительная баба. Для пятидесяти лет.

– А ты вообще кто? Ну, в этом обществе вампиров.

– Да я так... помогаю старому товарищу. Он сделал карьеру и пытается меня приобщить. Но если мне дадут ещё какое-нибудь задание вроде тебя, Богом клянусь, уйду обрат-

но. На вольные хлеба. Так что... пока я никто. И не решил, стоит ли оно того.

– А как ты жил на вольных хлебах? – поинтересовалась Ника. – Я, понимаешь ли, тоже такой, достаточно свободолюбивый человек. Люблю быть сама по себе.

– Ну, это вы уж там с Сомовым сами разбирайтесь. Ему ты зачем-то нужна, а меня это не касается.

– А он кто?

– Вот он и есть мой товарищ.

– Нет, это я поняла. А карьеру какую он сделал?

– Он что-то типа... начальника отдела кадров. Если вампир может быть полезен, Сомов помогает ему. И вампиру польза, и обществу. Всё взаимовыгодно. Всё добровольно, не пугайся. Но учти, тебе, как новичку, будет проще освоиться с поддержкой общества.

– Но ты же жил один! Сам по себе. Сколько? Два века?

– Почти два, да... я был не один, Ника. Я остался один совсем недавно...

Данил благополучно помогал своему отцу в мелочной лавке, когда стало известно о гибели старшего брата.

– Чай не призовут тебя. Старый ты уже. А я престарелый. – заметил отец, смахивая скупую слезу.

Брат Володя давно служил в царской армии, дослужился до подпоручика. Погиб как герой, во время восстания декабристов. О чём торжественно известили родных. Восстание

было подавлено, но без жертв не обошлось.

– Призовут. – вздохнул Данил. – Зазря погиб. Лучше бы за другую сторону. Сохранил верность царю, и что?

– Типун тебе на язык, Данька! – разозлился отец. – А пошёл бы против царя, и что? То же самое, ещё и нас бы под монастырь подвёл.

Отец ушёл хлопотать, дел было много. Нужно было ехать за телом брата. Герой героем, а доставка тел не предусматривалась даже из Петербурга в Москву. Володю могли похоронить недалеко от места гибели за государственный счёт, но отец хотел забрать тело сына и попрощаться как полагается. Предстояло организовать похороны. Данил остался в лавке за старшего. Вечером, почти перед закрытием, пришла ОНА. Анна. Девушка всегда приходила вечером. В тёплое время года Данил не видел её, наверняка уезжала. А зимой она появлялась вечерами, не чаще раза в неделю. Покупала керосин или мыло. Никогда ничего из еды. Анна была хрупкой и бледной, какой-то неземной, загадочной. Она очень нравилась Данилу, они могли подолгу разговаривать, если не было покупателей. Но Данил и мечтать не смел, что у него может быть такая жена. На той, что ему подобрал отец десять лет назад, Даня ухитрился не жениться – она не нравилась парню вовсе. Так и жил бобылём, чем невероятно огорчал отца. Два сына. Один на службе в армии, второй никак не женится по непонятным причинам. А кто же продолжит род?

Нет, на такой, как Анна, Данил бы женился не глядя. Но

разве такая девушка обратит на него внимание? Она, конечно, общалась с ним. Из вежливости. Но это совсем другое.

– Данил, вы сегодня грустный. Отчего?

– Брат погиб. Меня теперь призовут служить, наверное.

– А сколько вам?

– Двадцать семь.

– Двадцать семь... – как-то странно, почти мечтательно, вымолвила Анна, которой на вид было не больше двадцати. – Вроде бы поздновато вам уже в армию.

– Времена такие... смутные. В царской армии нужны люди.

– Так отчего вы грустите? По брату? Или в армию не хотите?

Данил задумался. Он давно привык видеть брата раз в год, во время отпуска. Никаких общих интересов у них не было. Грустно, конечно, что брат погиб... но то, что теперь придётся служить ему было хуже всего. Данил был против ситуации, сложившейся в стране. Ему ближе были идеи декабристов. Но воевать он не хотел ни на какой стороне. Не все рождаются воинами.

– Служить не хочу. – твёрдо сказал Данил.

У Анны как-то странно, слишком ярко, сверкнули глаза, она наклонилась и сказала Данилу:

– А хочешь быть всегда со мной?

Данил облизнул пересохшие губы и кивнул. Ему стало страшно, но вместе с тем он невероятно возбудился от этого

пугающего предчувствия.

– Всегда – это всегда. Вечно.

– Хочу!

– Тогда в десять на углу.

Анна исчезла. Данил стяхнул с себя наваждение. Ого! И что это такое было? Данила трясло и лихорадило от близости чего-то ужасного. Он физически чувствовал будто его затягивает во тьму, которая разверзлась перед ним. Но любопытство и желание были сильнее лихорадочного страха. Без пяти десять Данил закрыл лавку и прошёл до угла. На улице было пусто. Он покрутил головой – никого. Разочарование хлестнуло по щеке. Конечно, разве такая женщина могла всерьёз позвать его куда-то. Или это просто декабрьский ветер холодил лицо, а разочарование тихо зарождалось в груди, ширилось и разрывало клетки.

– Ну что? Идём?

Анна подошла сзади и взяла его под руку.

– Откуда вы взялись? Никого не было.

– Не говори мне «вы». Я, конечно, старше тебя, но всё равно, не надо.

Она его старше?!

– Куда мы идём?

– Увидишь.

Они пришли на окраину, куда-то в район Преображенской заставы. Там спустились по лестнице в подвал. Данил шёл за своей спутницей как замороженный. Анна открыла ключом

тяжёлую дверь и толкнула его внутрь. Зажгла керосиновую лампу, помещение осветил тусклый свет.

– Хочешь, могу свечи ещё зажечь?

– Где мы?

– У меня. Я тут живу.

Это место совершенно не вязалось с прекрасной Анной. Даже при свете керосинки было видно, как тут неуютно. Она правда тут живёт? Данил осматривался диким взглядом. Ему уже не было любопытно, сказка становилась кошмаром. Хотелось просто уйти. Анна тем временем взяла серебряную рюмку со стола, понюхала и протянула Данилу:

– Выпей это.

– Послушай... я, наверное, пойду.

Анна усмехнулась. Потом начала расстёгивать платье. Мелькнула белая кожа.

– Ты же сказал, что хочешь. Быть со мной. Я подарю тебе новую жизнь. Просто выпей.

Данил тоже понюхал содержимое рюмки. Пахло наливкой или вином – ничего страшного. Что он, гимназист, в конце концов? Данил выпил. Анна расстегнула ещё пару пуговиц на груди, шагнула к Данилу, и обхватила его голову неожиданно сильными руками.

– Ну вот и умница.

Девушка приблизила к нему своё лицо, и её глаза снова загорелись каким-то странным жутковатым тёмным блеском. Данил зажмурился. Потому, что не хотел смотреть в эти

глаза. А ещё потому, что ждал поцелуя, вопреки всей жути происходящего. Ждал, но не дождался. Шею вдруг словно обожгло огнём. Данил дёрнулся, но Анна держала его очень крепко. Дальше Данил ничего не помнил, пока не очнулся.

Когда парень открыл глаза, то ему было всё равно, где он находится. Нашлись другие причины для беспокойства. Страшный голод сковал все его органы. Живот подвело, мышцы словно скрутили в жгуты, горло было пересохшим, как с дикого перепоя. Он попробовал застонать, и кажется не смог.

– Ш-ш-ш. Не стони. Сейчас вечер. Скоро пойдём, поедим. Точнее, ты поешь. Я тобой наелась.

Анна весело расхохоталась.

– Где я? Что со мной? – прошелестел Данил. – Почему так плохо? Дай воды.

– Да не поможет вода! Потерпи, народ чуть разойдётся с улиц.

В ту ночь он узнал, что стал вампиром. Тем самым существом, о котором, конечно, слышал в детских страшилках. В ту ночь он узнал, какова на вкус человеческая кровь. Горько-сладкая, отдающая рекой и травами, ветром и шелестом леса. Удивительно тёплая и вкусная. Он выпил какого-то бродягу недалеко от Дворцового сада. Это было принципиально: охотиться подальше от дома. Так сказала Анна. Ещё Данил узнал, что больше никогда не увидит отца. Для отца он просто исчез.

– Он будет думать, что я сбежал. – сказал Данил.

– А тебя это беспокоит?

Данил прислушался к себе. Нет, его это нисколько не волновало. Ровно как и то, что погиб его брат, и что творилось в государстве.

– Нет. Не беспокоит. Ты сделала меня чудовищем? – удивленно спросил он.

– Э-э-э... ну, вообще, да. Мы считаемся чудовищами. На нас охотятся, поэтому надо быть осторожными. Например, нигде не жить подолгу.

– А что это вообще за жизнь? Какая она?

– Из достоинств: ты быстр, силен, не болеешь ничем и никогда, можешь жить вечно. Если никто не проткнёт тебя колом или не отрубит голову.

– А недостатки?

– Мы горим на солнце. Чтобы жить, нам нужна кровь. Да. Всё так. Больше нету недостатков.

Они пришли обратно в подвал. Сейчас обстановка в помещении не произвела на Данила никакого впечатления. Ему было всё равно, где он. Данилу было вкусно и сытно. А больше его ничего не волновало. Почти ничего.

Данил подтолкнул Анну к дивану, на котором очнулся пару часов назад.

– Ты говорила, что я буду с тобой. Всегда. Надеюсь, ты не просто болтала.

Она молниеносным движением оказалась лежащей на ди-

ване и утянула Данила за собой.

– Не просто. Иди ко мне.

При жизни Данил пару раз был с женщиной. Может быть, чуть больше, чем пару. Раз с горничной, ещё лет в шестнадцать. Потом были и другие. То ли от того, что всё случилось крайне редко, то ли ещё по какой причине, но особого удовольствия молодой человек не испытал. Всё происходило скомкано и быстро. Потом вспышка и разочарование. А теперь это... секс двух вампиров. Медленный, как поток осенней реки, и разноцветный, как радуга. Данил целовал Анну и думал, что не будет жалеть о том, что с ним случилось. Потому, что уверен: не случись с ним встреча с этой девушкой – никогда бы Данил не узнал, как бывает чудесно с женщиной в постели. Когда замирает небьющееся сердце. Если небьющееся сердце способно замереть. Но нет же, вот он чувствует. Как в самую острую секунду в груди разлился обжигающий холод, до того было ему прекрасно. Данил упал головой на холодное плечо Анны.

– Боже мой! Боже мой... – только и смог прошептать он.

– Милый, я с тобой полностью согласна. Вот только Бог тут точно не при чём. Мы к нему больше не имеем отношения.

У него было много вопросов. Что они такое? Откуда взялись? Если не божьи твари, то чьи? Анну это всё нисколько не занимало. Она была обращена сорок два года назад одним заезжим итальянским графом. Обольщена, обращена и

брошена, как только надоела. Граф поехал дальше, покорять новые территории и женщин, а Анна с тех пор жила одна.

– Давно? – спросил Данил.

– Ну. – она пожала плечами. – Пару лет. Я точно не считала.

– Ого! Так вы долго были вместе? – поразился парень.

– Недолго. Просто время исчисляется иначе. Ты привыкнешь. Пока ты этого не понимаешь, для тебя сорок лет – срок. Но для бессмертных это не срок.

Данил подумал. Да, он пока не представлял, но понял, о чём говорила Анна. Если человек бессмертен – что для него сорок лет? Минута.

И двести лет вместе – тоже минута. Даже не минута. Миг один. А потом... ничего. Хорошо, что нет эмоций. Человеческих эмоций, которые заставляют плакать и страдать по ушедшим. Но всё равно непросто. Ведь сформировалась привычка. Привычка обнимать любимое тело, держать его в руках, целовать. Привычка вместе ходить по улицам, разговаривать. Привычка делить ужин на двоих. Есть с одной тарелки. В их случае, пить одного на двоих. Одного человека на двоих. Данил зажмурился. А вдруг эмоции есть? И они просто обманывают себя?..

– Данил. – Ника дёргала его за руку. – Данил, всё хорошо? Ты меня пугаешь.

Он открыл глаза.

– Нормально всё. Пошли. Тебе надо привыкать. Ты при-

выкаешь?

– К чему?

– Ко всему. К запаху. К звукам.

– Я привыкаю, привыкаю. Иногда громко, но уже лучше.

Ты так резко замолчал... что случилось? Где она сейчас?

– Её больше нет. Анну убил охотник.

– Ой. Прости.

– Да ничего. – Данил пожал плечами.

– Есть охотники? Много? – в голосе женщины звучал страх.

– Охотники были, есть и будут. Всегда. Пока есть мы. Это цепочка, всё логично.

– Но как она умерла? Прости, если тебе больно об этом говорить.

– Да ничего...

Они жили в съёмной квартире на Тульской. Кто и как их выследил – непонятно. Он и до сих пор не знал. Наверное, было бы нормальным найти и наказать ублюдка. Охотник действовал один, и это было странно. А ещё стыдно. Стыдно, что он сбежал, а не дал отпор. Испугался за свою жизнь. Точнее, за то, что от неё осталось. Всё получилось как-то рефлекторно.

Они собирались обычным вечером с Анной прогуляться по весенней Москве, а заодно перекусить. Она вышла из квартиры первая, на вонь никто не обратил внимания. Многоквартирный дом, в подъезде всегда пахнет человеком. Она

открыла дверь и получила кол в сердце. Даже вскрикнуть не успела. Падала Анна с уже закрытыми глазами, вокруг искусно выточенного смертельного оружия по её груди начал расползаться огонь. Несколько секунд после удара колом и тело вампира сгорает в прах, как и от солнечного света. Анне уже нельзя было помочь, но вместо того, чтобы вцепиться в глотку нападавшему, Данил рванул обратно в квартиру и выскочил через окно. С крыши он видел, как охотник высунулся следом, держа в руке пистолет. Наверняка с деревянными пулями. Выглянул на миг и исчез. Данил видел, как он вышел из подъезда и направился к машине. Он бы запомнил номер, его зрение вполне могло хватить, чтобы увидеть цифры с крыши семнадцатипятиэтажного дома. Но все номера были заляпаны грязью, плотным слоем. Клоун какой-то. Зачем заляпывать номера грязью, когда можно прикрутить левые? Данил осторожно спустился на свой этаж. Горстка пепла у входной двери – всё, что осталось от его подруги. Кола не было, видимо охотник забрал его с собой. Нужно было уходить, оставаться в этой квартире теперь было опасно. Анна-Анна. О чём ты так увлечённо думала, что не увидела руку охотника с занесённым колом? Не услышала стук его сердца? Не почуяла его? И откуда он вообще взялся? Как выследил их? Почему был один? Миллион вопросов и ни одного ответа.

Данилу было так непривычно одному, что он пошёл к Сомову. Попросил прибежища. С Сомовым их связывала давняя дружба. Их с Анной. Она и познакомила мужчин. Ан-

на пробыла в мире вампиров на сорок лет дольше Данила и старалась налаживать и поддерживать контакты. Ей это было несложно – Аня была очень красива, нравилась всем мужчинам. И вот теперь...

– Как же так? Как же так! – только и сказал Сомов.

Было непонятно, упрекает ли он Данила. Или просто сожалеет о том, что красивая молодая женщина, которая в общем-то не была особо кровожадной, и не брала больше, чем требовалось, исчезла с лица земли навсегда.

Сомов показал Данилу целый альбом с фотографиями. Охотники. Данил внимательно изучил снимки.

– Нет. Тут его нет. – со вздохом сказал Данил.

– Любопытно. Получается, есть какой-то охотник-одиночка, о котором мы и не знаем? И хороший охотник-то. Уложил почти трёхсотлетнего вампира одним ударом.

– Получается, есть. – согласился Данил.

– Ладно. Оставайся тут сколько надо. У меня и охрана, и дом надёжный. Станет скучно – скажешь. Привлеку тебя к делам.

Скучно стало через год после гибели Анны.

Сергей ходил по кухне из угла в угол. Ему казалось, что он уже одичал в этой деревне. Прошёл месяц, как пропала мать. Погибшей её объявят через три года минимум, потому, что о местонахождении Ники не было известно ровным счётом ничего. Как оказалось, такое действительно случает-

ся. Человек будто провалился сквозь землю. Официальная версия следствия, что она под градусом решила искупаться – искупаться! в конце апреля! – и утонула. То, что тело не было найдено, их не смущало. Следователь тогда устало сказал Сергею:

– Думаете, они хорошо ищут, что ли? Тяп-ляп. Не нашлось и не нашлось.

– Но оно, простите, должно было всплыть! Нет? – возмутился Сергей. – И то, что не всплыло, говорит о том, что его там не было. Она не утонула. А значит, её должны искать дальше.

Следователь внимательно посмотрела на него.

– Ну, не в воде. А вообще... просто – искать. Понимаете?

– Ну так ориентировка розыскная на всякий случай сделана. А что вы хотите? Чтобы лес прочёсывали с фонарями? Так на это у нас ресурсов нет. Это вам в поисковый отряд.

Сергей обратился в отряд. Сам ходил с отрядом. Всё близлежащие к Глубокому озеру леса и поля были прочёсаны. Нику не нашли ни живой, ни мёртвой. Журналисты в первые дни достали Сергея до печёнок, он всерьёз думал купить и зарегистрировать оружие, чтобы хоть в воздух стрелять – отпугивать их. Сейчас он привык и к журналистам. Просто кратко и вежливо посылал. Им самим тоже, видимо, приелась эта история. Почти отстали. Изредка звонил кто-нибудь, был послан, и успокаивался, написав что-то типа: «Спустя время тело Майской так и не найдено. Родственни-

ки никак не придут в себя».

Продакшен подсуетился и по свежим следам исчезновения Вероники фильм вышел в широкий прокат. Раньше намеченного срока. Видимо, это было экономически выгодно. Сергей не знал, положено ему что-нибудь, или не положено. Авторские права на книги мать завещала ему, любые допечатки принесут какую-то копейку. Что же касается фильма... мать получила гонорар за сценарий и зарплату второго режиссёра тоже. Едва ли ей ещё что-нибудь полагалось. Но могли бы и занести, ради приличия. По потере кормильца, так сказать.

Все эти мысли бегали в его голове по кругу в числе прочих. Места себе Сергей не находил. Лиза, приехавшая его поддержать, поморщилась.

– Серёга, перестань бегать.

Он подскочил к столу, схватился на столешницу так, что побелели пальцы. Лиза инстинктивно чуть отодвинулась.

– Видела, как животные бегают по клеткам? Запертые? Наверное, выход ищут.

– Успокойся... ты не животное, и ты не в клетке.

– Да? А я не уверен! Сижу тут, как сыч, с этой тупой шавкой. И сам отупел уже.

Вега длинно вздохнула около холодильника и перевернулась с боку на бок.

– Она понимает всё. – заметила Лиза.

– Ну конечно! Она всё понимает! Чего ж она не понимает,

что одной дома нужно спокойно сидеть. Не бомбить ничего, и не лаять во всю глотку.

– Я тебе сто раз говорила: закажи ей клетку!

– Мать была против. Это жестоко. Жестоко, вашу мать!

– Сережа, почему ты такой нервный? Я понимаю, у тебя мама... – Лиза замялась, не понимая, что сказать. – ... пропала. Возможно, погибла. Но ты не горюешь, а психуешь. Объяснишь, может?

Сергей сел напротив бывшей жены, посмотрел ей в глаза. Недобро усмехнулся.

– Что? Да говори ты уже!

– Как-то всё слишком хорошо подготовила матушка для человека, который не собирался исчезать. Завещание с условиями. Наличные в сейфе, и ключ от него – возьмите, пожалуйста, Сергей Александрович, убедитесь, что с голоду вы тут не помрётё.

– К чему ты клонишь?

– Она не исчезла. Она сбежала. – подытожил Сергей.

– Сбежала? Куда? К какому-нибудь мужику? Она исчезла без документов. Паспорт был в сумке.

Сережа молчал. Он не мог озвучить бредовое предположение, которое пришло ему в голову. Лиза просто посмеётся над ним. Никто не воспримет такое всерьёз. Хотя... мать с его бывшей часто шушукались на эту тему. Но одно дело, гипотетически обсуждать то, чего никто не видел, и совсем другое... Лиза тем временем продолжала размышлять вслух.

– Без документов не сбегают. Можно с левыми, но это по необходимости. Когда человек совершает масштабное преступление и находится в розыске, а Нике это зачем? А если бы у неё любовь какая нарисовалась, она бы первым делом с нами поделилась. Не с тобой, так со мной. Ну, или наоборот. Чего ты зависишь? Куда, по-твоему, она могла сбежать?

– Может они существуют. И она нашла их. Тогда всё сходится. Она же искала, верно? Это же не просто разговоры у вас были? Она хотела найти, я знаю. Я ещё всё ржал над ней...

Лиза положила руку на грудь. Уставилась на него во все глаза. Но не сказала ни слова. Как будто застыла.

– Нет, а что? У тебя есть другие предположения?

– Серёжа...

– Что?

– Вампиров не существует!

– Здравсти! Не вы ли часами мечтали о том, как встретите их.

– Я поняла. Ты спятил!

– Думаю, нет. Нам стоит её поискать. Она где-то есть. Живая. Ну, то есть может уже не живая, но... в общем, есть она! Я чувствую. – Сергей даже ладонью по столу хлопнул в подтверждении своих слов.

Лиза подумала минуту.

– А ты знаешь, где у матери таро лежат?

– Знаю. На полке в спальне.

– А книга там? С толкованием?

– Там. Зачем тебе? Мать говорила, что карты в чужие руки лучше не давать.

– Я знаю. Но я и не собираюсь гадать. Просто, вытяну одну карту на вопрос, жива Ника, или нет. Ничего, с одного раза беды не будет. Тащи.

Сергей вошёл к матери в комнату. Ему немедленно захотелось зажмуриться. Как она могла так с ним поступить?! Как она могла так с ним, независимо от того, что с ней случилось? Это жуткая боль, когда задумываешься, что больше никогда. Никогда не обнимешь родного человека. Никогда не посидишь с ним вечером, не поговоришь по душам. Не расскажешь, не послушаешь, не обсудишь. Это чертовски тоскливо понимать. Как же она умудрилась вот так его бросить? Да ещё собаку свою ненормальную на него повесила. За спиной раздался шорох. Сергей вздрогнул и обернулся. Вега стояла в дверях и делала собаку мордой вверх.

– У-у-у, идиотка! Что ты припёрлась опять за мной? Нельзя же быть настолько тупой. Бесишь! Пошла отсюда! – он замахнулся.

Вега была не из пугливых. Она не боялась, да и знала, что Сергей не ударит. Он просто злится, потому, что скучает по маме. Вега тоже скучает. Если бы она могла, рассказала бы про страшного гостя, от которого шерсть по всему телу стояла дыбом, а лапы отказывались двигаться. Но рассказать о Даниле Вега не могла. Не могла она и поддержать Сергея.

Сказать, что всё понимает, и благодарна ему, что Сергей тут. Собака только печально вздохнула и отошла от двери. Сергей взял карты и вышел из спальни, плотно закрыв за собой дверь.

– Ну, пошли что ли, липучка. А то как же ты тут одна. – примирительно сказал он.

Лиза тщательно перетасовала колоду.

– Думай о ней. Думаешь?

– Думаю. – кивнул Серёжа.

– И я думаю. Снимешь?левой, на себя.

– Давай.

Он аккуратно снял сверху стопку карт. Лиза перехватила стопку, сунула вниз колоды. Сняла верхнюю карту и положила на стол. Отшельник. Перевернутый. Она взяла книгу и начала изучать значение карт.

– Ну! – поторопил её Сергей через некоторое время.

– Ну... если бы вампиры не были адским бредом...

– И вашим с матушкой.

– И нашим. Погоди, я сосредоточусь.

– Ой! Ванга, мля...

– Цыц! В общем, если бы Ника была однозначно жива, выпало бы солнце. Или мир. Или ещё какая, крайне позитивная, карта. Если была бы мертва – самое вероятное, смерть. Но есть и другие варианты, в зависимости от причины смерти. А вот перевернутый отшельник... изоляция, разрыв контактов, изгнание, утрата... похоже на побег, да? На побег с

разрывом контактов.

– Похоже, Лизок. Я тебе о том и говорю.

– Нет, ну допустим на уровне совершеннейшего бреда, твоя мать нашла вампиров и ушла к ним. Что ты предлагаешь?

– Искать её. – просто сказал Сергей.

– Это плохая идея. Это очень, очень плохая идея! – сказала Лиза, убирая колоду в чёрный бархатный мешочек с тесёмками. – Зачем твоей матери вообще нужны были эти карты? Она ведь так и не научилась гадать.

– Нет, не научилась. Но когда ей нужно было спросить о чём-то конкретном – карты отвечали.

– Вот и нам. Ответили.

Данил привёз её куда-то за город.

– Главное не нервничай. – предупредил он.

– Ты сам говорил, что у нас нет эмоций. Сам меня всё время успокаиваешь зачем-то.

Ника пожалала плечами. Она не нервничала. Данил погасил фары и подождал. Открылись ворота. Он включил фары и въехал во двор. На участке стоял дом. Кажется, трёхэтажный. А вот насколько он был большим в ширину и длину – с первого взгляда сказать было трудно. Вперёд выступала часть дома, а остальное пряталось за деревьями.

– Солидно! Это тут живёт тот самый Сомов? – поинтересовалась Ника.

Данил укоризненно покачал головой и приложил палец к губам.

– Тут много кто живёт. Думаю, ты тоже останешься тут. – Ника удивленно посмотрела на Данила. – Если захочешь, разумеется. Выходим.

Они прошли несколько метров и подошли к двери.

– Хм. Ворота нам открыли только когда увидели номер, так?

– Угу. – буркнул Данил, пропуская её вперёд.

– И всё? Больше охраны нет?

– Проходи, пожалуйста. И запомни уже, что у вампиров сверхъестественный слух.

– Я помню.

К ним навстречу вышел мужчина лет сорока на вид, в джинсах и свитере.

– Здравствуйте, Вероника. Привет, Данил.

Он спокойно и по-простому общался. Ноль высокомерия и превосходства. Это Нику порадовало. Она за несколько лет так нахлебалась такого дерьма в кино-среде. Любой мало-мальски узнаваемый персонаж общался с простыми смертными через губу. Максимально свысока. Ну, или почти любой. Это было непросто. Поначалу. Потом Ника научилась не обращать на это внимание. А позднее, возможно, и сама изредка проявляла себя с такой вот неприятной стороны.

– Меня зовут Егор. – мужчина протянул Нике руку и

улыбнулся.

– Очень приятно.

Правда приятно, когда тебе улыбаются, пусть даже не от души. Души-то нет. Где их души, вот интересный вопрос?

– Проходите, садитесь. Выпьете чего-нибудь?

Ника уже знала, что выпить она, в принципе, может что угодно: воду, алкоголь, кофе. Просто вкуса не почувствует, а эффекта тем более.

– Крови, если можно. – попросила она.

– Можно, конечно можно.

Он махнул рукой, подошла девушка. Задрала рукав и протянула Веронике руку. Ника стояла и не знала, как ей быть. Немая сцена.

– Данил вас всё это время кормил из пакетов? – усмехнулся Егор. – И вы ни разу не пробовали свежей тёплой крови?

Ника пожала плечами. Данил действительно ни разу не водил её на охоту. И никого не приводил к ней. Она уже было начала думать, что вампиры вообще не пьют кровь из вены. Зачем? Если есть донорская.

– Не смущайтесь. Думаю, мы вас остановим, в случае чего. Наташа, поднеси руку поближе к нашей гостье.

Девушка послушно подвинула руку к Вероникиному рту. Ника расслабилась и выпустила на волю инстинкт вместе с клыками. Она впилась в вену и даже замурчала от удовольствия. Так вот какова на вкус живая кровь! Из ещё дышащего человека. Никакого сравнения!

– А если не остановим? – подал голос Данил.

– Ну... ничего. Невелика беда. – равнодушно бросил Сомов.

Как ни бахало Наташино сердце оглушительным набатов в ушах у Ники, она слышала о чём говорят мужчины. По сути Сомов дал ей добро на убийство. Какой щедрый, однако! Ника не была готова принять эту щедрость. Понятно, что ему что-то нужно от неё. Тем более хотелось бы остаться максимально независимой. Она собрала всю волю в кулак и оторвалась от Наташиной руки.

– Спасибо, милая девушка. – сказала она. – Или что? У вас тут не принято благодарить еду?

Сомов усмехнулся. Да, именно такой он её и представлял. Наглой и ироничной.

– Ника, вы останетесь? Я выделю вам прекрасную комнату. Тут всюду уютно. – предложил Сомов.

– Она аскет. – снова встрял Данил.

Сомов нахмурился. Ему нужно было поговорить с новообращённой наедине.

– А ты, Данил? Останешься, или уедешь?

– Мне всё равно. – пожал плечами Данил.

– Если что, твоя комната тебя ждёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.